

Сергей Еримия

Отблески купальского костра

16+

Сергей Еримия

Отблески купальского костра

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Ермия С. В.

Отблески купальского костра / С. В. Ермия — «ЛитРес:
Самиздат», 2016

Из далеких, окутанных туманом истории языческих времен пришло к нам это предание. Только раз в году в ночь на Ивана Купала цветет волшебный папоротник. Тот смельчак, который отыщет дивный артефакт, кто не побоится сразиться со стерегущей его нечистью, получит силу, славу и богатство. Легенда, одна из множества передающихся из поколения в поколение сказок. Казалось, двадцать первый век на дворе, кто в наши просвещенные дни сможет даже не поверить, а просто предположить, что в этой легенде есть хоть что-то, кроме вымысла...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	27
Глава 3	30
Глава 4	42
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Пролог

Неуверенной походкой с трудом передвигая заплетающиеся ноги, на поляну вышел мужчина. Остановился, попытался осмотреться, медленно повернулся в одну сторону, в другую – не увидел ровным счетом ничего. Энергично потер кулаками глаза, один, второй, оба, несколько раз мотнул головой, замер. Мгновение и тишину разбавил вздох, тяжелый, скорее, обиженный, будто и вправду тот неизвестный верил, что от совокупности бессмысленных на первый и не только взгляд физических упражнений ночная мгла станет менее густой и не столь непроглядной.

Нет, ничего не поменялось, светлее не стало. Тогда полночный путник печально кивнул, что-то неразборчиво пробормотал, обреченно пожал плечами, поднял взгляд вверх, запрокинул голову, расставил руки и долго всматривался в черноту практически полностью скрытого плотной листвой неба.

Новый звук, новый вздох, теперь уже не столько обиженный, сколько обреченный, вздох человека, умудренного опытом, уставшего от жизни во всех ее проявлениях.

Руки неизвестного медленно опустились, описав в воздухе половинку большого круга, ладони привычным движением нырнули в оттопыренные карманы, голова качнулась, будто упала, звонко в безмолвии ночного леса клацнули сомкнувшиеся зубы.

Мгновение тишины. Сдавленный хрип, сильный вдох, еще более сильный выдох. Незнакомец громко чихнул, разбудив дремлющих в листве птиц. Те испуганно закричали, он же смущенно хихикнул. Чуть слышно пробормотал: «Извините, не хотел, и это... будьте здоровы!», сам себе ответил: «Спасибо!», вытащил руки из карманов, поднял их по той же траектории что и опускал, широко развел в стороны, склонил голову, наклонился, пытаясь отвесить поклон то ли себе, то ли потревоженному ним пернатому населению леса. Качнулся, пошатнулся, не смог устоять на ногах, упал.

Несколько минут ничего не происходило. Вообще ничего. Птицы успокоились и умолкли, человек спокойно лежал без движения, продолжая что-то невнятное бормотать. Кажется, все закончилось, утомился он, смирился со своей судьбой. Можно было подумать, что он уснет, сдастся и именно в такой позе встретит утро, но нет. Незнакомец оказался очень уж настойчивым, собрался он с силами, рывком перевернулся на живот, напрягся, приподнялся, стал на четвереньки, высоко поднял заднюю часть тела. Медленно двинулся вперед, слаженно работая конечностями (наверняка это не первый опыт!). Зашагал в темноте: левая рука – правая нога, правая рука – левая нога и все это в абсолютном безмолвии, лишь чуточку разбавлял ночную тишь приглушенный и кажущийся неестественным смехок. То полночный путешественник представлял себя бредущего на четвереньках, наблюдал как бы со стороны и от всей души веселился. А что, занимательное должно быть зрелище!

На очередном «шаге», рука наткнулась на препятствие – таковым оказалось лежащее посреди поляны поросшее мхом бревно. Пальцы внимательно ощупали новую деталь лесного пейзажа, замерли на секунду, ногти постучали по покрытой отвратительной слизью коре. Незнакомец задумчиво хмыкнул, выдал серию звуков отдаленно напоминающих слова. Понять, что именно он говорил, не было возможности, но все свидетельствовало в пользу того, что находка его порадовала, как минимум, заинтересовала. Да, так оно и было! Немного раздумий и прогуливающийся на четвереньках неизвестный перестал изображать ленивую лошадь, превратился в не менее ленивую обезьяну, вскарабкался на бревнышко, перевернулся, поерзал, выбирая оптимальную позу. Застыл лежа на спине, широко расставив ноги для равновесия. Раскинул руки, закатил глаза, целиком и полностью довольный собой и своей жизнью, затянул веселенькую песенку...

Полупрозрачные стрелки полупрозрачных часов неумолимо приближались к отметке «полночь». Вслед за не знающим усталости их бегом приходило понимание очевидного факта – если уж что-нибудь предпринимать, если что-то делать, то сейчас, не откладывая. Дольше тянуть никак нельзя. Конечно, можно сделать вид, что ничего не происходит, закрыть глаза, а то и вовсе отвернуться, чтоб ничего не видеть, но ведь неправильно это! Невооруженным же глазом видно – никакой это не охотник за сокровищами, даже не искатель приключений. Там, с другой стороны, на полянке, самый обычный выпивоха, несчастный больной человек, которого пагубная страсть привела не в то место, да еще и время подгадала не самое лучшее.

Беглый взгляд на часы – без семи минут двенадцать. Надо определяться, решать, что делать, как поступить, спешить ли, рискуя всем, или стыдливо отвести взгляд, делая вид, что все идет по плану. Думай, не думай, а второй вариант он неприемлем...

Ворчливо заскрипело старое дерево. Качнуло своей мощной кроной, недовольное тем, что его потревожили, разбудили в столь поздний час. Недолго оно возмущалось. Смолкло ворчанье, смирилось растение. Не иначе как в знак примирения его ствол, каждая складка толстой коры, каждая веточка его и каждый листик тускло засветились холодным с голубоватым оттенком призрачным светом.

Из тени вышел человек среднего роста одетый в старомодный длинный темного цвета не по сезону теплый сюртук. Новый персонаж полноточной пьесы бодренько взмахнул головой, отбрасывая закрывавшую правый глаз и большую часть щеки длинную челку, позволяя тусклому свету осветить свое бледное лицо с тонкими чертами, аристократизм которых подчеркивали аккуратно подстриженные усики. Секунда, беглый взгляд дабы убедиться в безукоризненности своего внешнего вида. Резкий кивок – не иначе как знак удовлетворения. Порядок. Он поднял руки, схватился за одну из нижних ветвей дерева, резко потянул ее на себя. С тихим щелчком веточка отвалилась, превратившись в элегантную трость. Опираясь на нее не столько по необходимости, сколько следуя давней привычке, торопливым шагом человек в сюртуке устремился вглубь леса.

Шел он быстро, легко обходил выползающие из-под земли корни, перепрыгивал нехотя появляющиеся на тропинке ямы. Наверняка тропа была ему знакома, знал он каждый камешек на ней, помнил каждое деревце, склонившее над ней крону. Вполне вероятно при других обстоятельствах он легко прошел бы весь путь и в абсолютной темноте, но необходимость, подгонявшая его, не позволяла рисковать. Времени не было, а опоздать он никак не мог. Понимал он это, да и деревья также понимали, не зря же они тускло вспыхивали, стоило ему подойти ближе. Подмигивали холодным светом, приветствуя, плавно гасли, давая возможность подмигивать и освещать путь уважаемому ними человеку иным своим собратям...

Стена терновника кажущаяся непроходимой мгновенно преобразилась, стоило только коснуться ближайшей из составляющих ее веток тростью. В мановение ока кусты расступились, образуя широкий проход. Человек в сюртуке слегка кивнул, поблагодарив кустарник за невиданную вежливость, прошел на уже знакомую полянку.

На заросшем травой окруженном стеной кустов и деревьев клочке леса все оставалось таким, каким виделось ранее: человек, бревно, идиллия и безмятежность. Изменилось лишь звуковое оформление. Не было более песен, устал певец, вместо звуков, отдаленно напоминающих размеренное бормотание популярного исполнителя, читающего невнятный речитатив, тишину лесной поляны оглашал просто-таки богатырский храп.

Да, неизвестный ценитель выпивки и любитель прогулок по ночному лесу по-прежнему лежал на живописно-сером среди насыщенной зелени травы бревне, лежал и самозабвенно храпел. Его большая круглая голова перекатывалась по покато́й поверхности импровизированного ложа, плавно, размеренно, оттого тембр и громкость храпа тоже менялись, но опять-таки плавно и на удивление мелодично. Стоит отметить, что в разнообразии витающих в воздухе

звуков при определенной доле воображения все еще можно было расслышать некое подобие музыки, такую себе симфонию дремлющего леса...

Перебивая громкий храп, послышалось отчетливое кукование, громкое, но как бы нерешительное. «Ку-ку», – разнеслось по дремлющему лесу. Тут-таки стихло все, даже гортанный хрип человека сменился менее грозными булькающими звуками, да и они потихоньку затихали.

Не дожидаясь следующего птичьего крика, человек в сюртуке бросился к спящему на бревне гуляке, схватил его за плечи, сбросил на землю и, не обращая внимания на вялые попытки сопротивления, поволок туда, где, еле различимые среди призрачного света деревьев, виднелись очертания туманного домика. Втащил под прикрытие полупрозрачных стен, присел рядом, несколько раз легонько хлестнул ладонями по щекам. Изрядно перебравший «горячительного» путешественник что-то невнятное пробормотал, замычал, обиженно надул губы и резко отвернулся, наверняка пробуждение в его планы не входило...

Еще одно «Ку-ку» прозвучало в тиши. В отличие от первого, было оно гораздо более глубоким, звучало отчетливее, как минимум, чуточку увереннее.

С третьим возгласом птицы природа пришла в движение. Нет, деревья не тронулись с мест, ходить не научились. Не двигались они, ожила атмосфера ночного леса. Менялась она с каждым мгновением. Особенно остро чувствовалось всевозрастающее напряжение, в воздухе пахло электричеством, свежий и пьянящий витал запах озона, будто во время грозы. Легкий ветерок принялся перемешивать насыщенные ароматы, разнося во все уголки дремлющего леса наэлектризованный воздух, как весть о том, что близок час, что уже скоро...

Очередное «Ку-ку» и в ответ на потуги ветра зашелестели деревья, потянулись кронами к центру поляны. Размахивали они ветвями, будто фехтовальщики шпагами, и не жалея листьев, ни своих, ни чужих, старались оттеснить соседние растения. Особенно настойчивая ближайшая к призрачной избушке молодая березка попыталась забраться тонкой веткой в также призрачное окно. Подвластная ветру веточка коснулась туманной стены, ее листья тут-таки завяли и опали, миновало лишь мгновение, и голый прутик шустро вернулся к дереву, стыдливо затерялся в густой листве. Урок был усвоен – от избушки лучше держаться подальше.

Пятый выкрик неугомонной птицы. Не думала она успокаиваться. Да и как иначе! Ведь все шло своим чередом, так, как и должно было быть – она провозглашала полночь, потому куковать ей еще...

Деревья уже не шелестели, они трещали, ломали сучья, свои, своих соседей, давили кронами ближайшие кусты, в тщетной попытке как можно ближе протянуть свои руки-ветви, к центру полянки, к тому месту, где все случится, туда, где все произойдет.

Кукушка продекламировала свое очередное «Ку-ку». Над взбудораженным предвкушением лесом пронесся ропот более всего схожий с издевательским смехом. Неизвестно откуда взявшаяся огромная шишка пролетела через всю поляну и угодила точно в темный призрачный прямоугольник окна, того, что в стене полупрозрачного домика. Колокольным набатом по поляне разнесся звон разбившегося стекла. Был звук, но не было осколков, не было щепок, обломков раскуроченной рамы, ничего не было, только в том месте, где реальная шишка соприкоснулась с воображаемым стеклом, сам собой загорелся, разгораясь, огонек, блеклый, тусклый, но на удивление теплый и по-домашнему уютный.

Новое неожиданно громкое «Ку-ку» разнеслось над беснующимся лесом. Тут-таки деревья оставили свои бессмысленные попытки дотянуться до чего-то, что манило их. Ветви замерли, листья обмякли и неподвижно повисли, игнорируя жалкие потуги ветра.

Не успело эхо от очередного птичьего возгласа раствориться в затихшем лесу, новый восьмой по счету крик последовал за ним. Зашумело. Воздух наполнился диким гамом. Казалось, ветер налетел с новой силой, но листья более не шевелились. Казалось, отяжелели они, наполнились желчным соком деревьев, отчаявшихся в своей безысходности.

Все снова переменялось. Гул, который казался шумом ветра, приблизился, громче стал, отчетливее и птичьими стаями закружил над полянкой. Облако воронья спустилось с небес, просочилось меж толстых стволов, укрыло поляну тысячами мечущихся силуэтов извечных вестников несчастья. Кружили птицы, метались, ловко обходя деревья, маховыми перьями задевая высокую траву, громко хлопали крыльями, кричали, будто ссорились, дрались в воздухе, вырывая перья у своих соплеменников...

Громче птичьего переполоха прозвучало следующее монотонное кукование невидимой вестницы времени. Земля вздрогнула и затрепетала. Страшное содрогание всколыхнуло твердь под ногами, вот только это было не землетрясение. Не дрожала земля, вибрировала она, часто, сильно и с малой амплитудой, будто многотысячное войско идет среди деревьев, будто почва прогибается под ритмичным шагом тяжеловооруженных великанов.

Новое «Ку-ку» – ожидание нового бедствия, но ничего не произошло. Ничего страшного. Возможно, даже дрожь земли несколько поутихла, а может, все живое, что находилось на полянке, попросту к ней привыкло?

Одиннадцатое кукование не заставило себя долго ждать. С ним посреди поляны вырос холмик земли. Из образовавшегося конуса выглянула изрядно измазанная ярко-желтой глиной мордочка крота. Он осмотрел окрестности незрячими глазами, высоко поднял нос и принялся принюхиваться. Ноздри подземного жителя часто шевелились, ритмично открывался и закрывался рот. Наверняка он что-то бормотал, на своем, на кротовьем наречии, только тихо так, беззвучно.

Тут же в разных частях полянки, не иначе как в ответ на безмолвный зов одна за другой выросли несколько кротовин. Вершину каждой из них украсила голова любопытного зверька. Точно как и первый самый смелый крот, они часто вдыхали исполненный предвкушением ночной воздух, силились что-то разглядеть, скорее, унюхать...

Скрытые за стеной густого кустарника лесные жители также не дремали. Вокруг бурлила жизнь, со всех сторон доносился гам, трещали сухие ветви, шелестела потревоженная кем-то незримым листва. Шумело так, будто множество существ, больших и сильных пробираются через заросли, в надежде успеть, не пропустить, дожидаться нужного момента и выскочить на поляну. С их потугами шум наземный нарастал, затмил он крик и рев небесный.

С того момента, когда кукушка прокричала свое последнее «Ку-ку», казалось, миновала вечность. Пауза затягивалась, страшные звуки, витающие над ночным лесом, слышались все громче, все ужаснее, гул нарастал, угрожая взорваться, но сдерживался он, как будто ждал команды...

Вот и она, началось!

Подумать только, сколько времени нужно для того чтобы вымолвить простое «Ку-ку»? И даже неважно, чей это будет крик, человека, зверя, птицы. Секунда, полсекунды, частичка мгновения? Пожалуй, но этот птичий крик звучал так долго, что казалось, расплзался он, растекался над полночным лесом. Спустя бесконечность он достиг кротовины первого самого смелого крота, тот встрепенулся и замер, держа нос поднятым вертикально вверх. Его примеру последовали иные его соплеменники. Уж кто-кто, а они были готовы.

Кукование невидимой в темноте кукушки успокаивающе подействовало на пернатых ее сородичей. Смолкли птицы, не металась она более среди деревьев, единым живым организмом устремилась стая ввысь и скоро скрылась над кронами деревьев, слилась с общим темным фоном. Смолк шум крыльев, умолкли листья, потревоженные падающими перьями, улетели птицы, наверняка дальнейшее их не касалось.

Тут-таки затихли и те незримые, что топтались среди кустов, прятались за деревьями. Смолкло все. Стихло все.

Огонек в окне призрачного дома потускнел, будто невидимая свеча догорала, выпускала в пространство последние неяркие лучи. В тот момент, когда угасающее пламя готово было

вспыхнуть прощальным салютом искр, там, снаружи, с другой стороны украшенных зеленоватой дымкой стен проявилось легкое движение. Чуть заметное, нереальное, как и все во тьме мистичной ночи. Постепенно из мира призраков оно переместилось в плоскость реальности. В центре поляны на пространстве свободном от кротовых терриконов показался и быстро поднимался вверх тоненький стебелек. Нижнюю его часть обрамляли листья невзрачного болезненного вида растения. Характерные очертания и форма листа не давали шанса сомнениям – это обычный папоротник.

Поднявшись примерно на метр, стебелек перестал расти. На его верхушке, увеличиваясь на глазах, сформировался правильных пропорций шар. Он расширялся, увеличивался, становился больше, менялся он, подмигивал яркими цветами. Изначально темно-зеленый, он быстро посветлел, тут-таки пожелтел, стал оранжевым, а после золотистым. Трансформация цвета прекратилась, осталось лишь легкое мерцание, будто на поверхности живой сферы текли, перемешиваясь, золотые реки. Драгоценные переливы увлекали, приковывали взгляд, казалось, наполнен шар особенным огнем, волшебное пламя пылает под тонкой золоченой его оболочкой.

Время стремительно мчалось вперед хоть для земного наблюдателя его и вовсе не существовало. Все замерло здесь внизу, все исчезло, растворилось и забылось, осталась только золотая сфера. Ширилась она, раздувалась, будто вознамерилась поглотить поляну, накрыть собою лес.

Мгновения прошли, минуты или часы – неизвестно, да и неважно это. Живая огненная сфера перестала увеличиваться, замерла она, застыла, покачиваясь над поляной, освещая стволы ближайших деревьев золотыми отблесками. Тоненький стебелек, соединяющий ее с корнями невзрачного растения, перестал быть видимым. Растворился в золотистом зареве волшебства рождающегося в огне, перестал существовать он, будто шар и вовсе висел в пустоте, покачивался на волнах воображения.

Еще доля мгновения, частичка быстротечной вечности – взорвалась огненная сфера. Ярko, беззвучно, в одно мгновение. Точнее, не взорвалась, нет. То волшебство сбросило ненужную уже оболочку. На том же месте, где пылала огненная сфера, образовался новый источник света, маленький удивительно-насыщенного алого цвета. То был цветок, нераспустившийся бутон невиданной красоты. Он пульсировал, будто живое сердце, с каждым толчком рос, чуть заметно, еле ощутимо, при этом переливался, будто подмигивал.

Оглушенный беззвучным взрывом, лес по-прежнему молчал. Поляной завладела тишина. Абсолютная, звенящая, гнетущая, тяготила она, давила, нежила и успокаивала. Настоящая тишина. Ни один, пусть даже самый тихий звук не посмел нарушить безмолвие ночного леса, ни один листик не позволил себе качнуться в полумраке дивной ночи.

Неизвестно, сколько это продолжалось, сколько времени прошло, как долго реальные и вымышленные свидетели рождения волшебного бутона любовались его удивительной красотой. Продолжалось ли это мгновение, длилось ли вечность, никто того не знает, но вот фаза созерцания закончилась. Гнетущую тишину взорвал легкий хлопок, за ним еще один, еще. Часто махая крыльями, невзрачно-серая птица поднялась с ветки и невидимкой растворилась в безмолвной темноте. Ее перышко, серое, безликое, медленно проплыло над поляной, плавно раскачиваясь, опустилось на сгусток пульсирующего живого пламени.

Будто с раскаленным углем соприкоснулась бахрома пера, ярко вспыхнуло оно, озолотило поляну на мгновение, заставило отраженным золотом блеснуть мокрую пуговку кротовьего носа. Тот странно поморщился и длинным языком слизал золото с мордочки. Громко пискнул, пулей вылетел из норы, перекувырнулся в воздухе и неожиданно быстро скрылся в глубине своего тоннеля. Наверняка он только того и ждал!

Пламя, испепелившее перо, померкло...

Ситуация начала меняться. Божественную тишь разбавил звук, приятный и на удивление живой. Послышалось легкое потрескивание, словно поздней осенью в пылающий камин бросили свежее сырое полено. Волшебное пламя тут-таки обрело форму и новой вспышкой ярко озарило поляну. Один за другим, быстро, словно подталкиваемые невидимыми пружинками, открылись семь лепестков. На их алом бархате волшебными письменами проявились золотые прожилки. Пламя вспышки померкло и в полуночной тьме, озаренный собственным светом повис цветок дивной красоты. Он чудом держался на тоненьком изогнутом стебельке, нижний край которого терялся в листве крошечного с уже и вовсе пожухлыми листьями папоротника. Озарял он поляну нереальным светом, наполнял воздух божественным ароматом. Расползался тот по лесу, пьянил, туманил сознание, не оставляя и тени сомнения – совсем немного времени пройдет, заполонит он лес, а там и вовсе выплывет далеко за его пределы...

Блаженное умиротворение разорвали страшные звуки. Казалось, одновременно закричали люди, большое количество людей. Только люди ли это? Сомнительно. Уж больно разными те были звуки, уж больно устрашающе звучали они. В дикой гамме уместился весь спектр доступных эмоций. Там было все от безудержной радости до воплей горького разочарования, от криков счастья до стонов боли и воплей безысходности. Смешались крики, сплелись гул, гам и вопли в ужасающую какофонию, в оглушающий рокот, который, многократно преломляясь, дополняемый своими отражениями, накрыл поляну.

Человек в старомодном сюртуке облегченно выдохнул, медленно мигнул глазами, в которых удивительно живо отражался волшебный цветок. Улыбнулся одними только уголками губ. Посмотрел вниз. Там на земле у его ног дрожал внезапно протрезвевший пьянчужка, обхватил он голову руками, открыл рот в беззвучном крике, бешено вращал глазами, испытывая невыносимую боль, катался по земле.

– Ничего, ничего, так бывает, это пройдет, – человек в сюртуке присел рядом, положил тому руку на плечо, посмотрел в глаза. Там, где совсем недавно царил насыщенный туман алкогольного дурмана, возник и разрастался подлинный ужас. – Все будет хорошо. Главное – не волнуйся. Я все улажу. Только совет на будущее – держитесь от этих мест подальше и с пьянством завязывай. Мы договорились?

Не дожидаясь ответа, он поднялся, прошел сквозь туманную стену призрачного домика, вышел на поляну, приблизился к цветку, протянул к нему руку. Тот вспыхнул особенно ярко. Ниже раскрывшегося бутона, блеснула искорка, то оторвался, будто перегорел стебелек, а алый с золотом раструб плавно выплыл на ладонь человека, качнулся, не иначе как для того, чтобы удобнее в ней расположиться, замер, повис, не касаясь кожи.

Словно взрывной волной всколыхнуло лес. Вздروгнули деревья, затрещали, ломаясь, толстые сучья. Гам, который и до того оглушал, с новой силой хлынул на поляну. Погас тусклый отсвет стволов и ветвей, остался только свет, исходящий от цветка. Неяркий, живой и пульсирующий. Его свечение вырывало из темноты руки. Множество рук, которые со всех сторон тянулись к волшебному растению и человеку, что посмел его сорвать. Разные руки, странные, страшные, ни на что не похожие. При особо ярких вспышках цветочного пламени можно было разглядеть и тех, частями тел которых они являлись.

Ряды чудовищ всех мастей и всех размеров с перекошенными от злобы лицами, многие и вовсе без лиц, они силились ухватить наглеца, отобрать цветок, тянулись к спокойно стоящему человеку, мечтая лишь о том, чтобы разорвать его в клочья. Задние ряды напирали, те, что были ближе падали, их топтали, на них взбирались все новые и новые чудовища, спешили они, стремились к центру поляны, окружали. Вот только не удавалось им ухватить человека, казалось, невидимая преграда отделяет его от напирющей своры. Упирались чудовища в нее, падали, но за ними подходили все новые и новые...

Одному из монстров чудом удалось преодолеть невидимый барьер. Он изловчился и двумя пальцами, покрытой густой шерстью рукой ухватил человека за полу сюртука, потянул ее на себя. Тому удалось устоять на ногах, но одеждой пришлось пожертвовать.

В спокойных еще секунду тому назад глазах промелькнул блеклой искоркой испуг. Толпа ужасных созданий, почувствовав запах страха, взвыла в унисон в предвкушении скорой победы. Почувствовали свою власть чудища и принялись напирать с новой силой. Топтали они своих собратьев, взбирались на них, все прибывали они, их становилось все больше и больше, все ближе и ближе подбирались они к человеку, все меньшее расстояние отделяло их от такого желанного пульсирующего в его ладони цветка.

Огромный полностью покрытый волосами с блестящим во лбу одним единственным глазом монстр отлетел назад, получив сильный удар тростью. На мгновение чудища стушевались, не иначе как не ожидали они получить отпор. Человек воспользовался заминкой и бросился в образованный упавшим телом пролом. Растолкал нескольких растерянных бесформенных толстяков, наотмашь ударил желеобразное существо, прячущееся в тени одного из них, метнулся в заросли. Вот только кусты, которые несколькими минутами ранее расступались при виде человека, теперь плотно сомкнулись, не желая дать тому дорогу. Спротивлялись они, а он все продирался, царапая тело, превращая одежду в лохмотья.

В один момент он оглянулся, посмотрел в сторону призрачного домика. На фоне полупрозрачной стены мелькнула тень быстро протрезвевшего ночного гуляки. Тот сиганул через туманное окно туманного домика и стремглав бросился в чащу.

– Не оборачивайся, что бы ни случилось, не оборачивайся! – печально улыбнулся теперь уже полностью обездвиженный пленник колючего кустарника.

Дольше издеваться над собой не было никакого смысла, ясно ведь – терновник цепко ухватил свою добычу. Что бы ни произошло, он уже не выпустит запутавшегося в его сетях человека. Разве только тот разожмет держащие ценную добычу пальцы...

Почувствовав свободу, цветок поднялся вверх. Замер на мгновение, покачнулся, будто благодарно кивнул и медленно поплыл, направляясь к тому месту, где родился. Остановился над растоптанным маленьким папоротником породившим его. Повисел немного, раскачиваясь, вращаясь, подмигивая меняющимися оттенками красного и золотистого.

Чудовища давно уже позабыли о цветке, не до того им было. Они окружили куст, который исхитрился поймать человека. Хохотали они, тянули к нему руки, размахивали кулаками и что-то гневное кричали на понятном только им языке. Вот ближайший покрытый волосами одноглазый, наверняка тот, который прочувствовал на своей шкуре, что такое трость, схватил пленника за руку и рывком потянул на себя. В тот же миг человек добродушно улыбнулся, подмигнул, скосил взгляд на парящий над поляной цветок и медленно покачал головой. Волосатое чудище проследило за красноречивым взглядом, увидело подмигивающую живую искру и истошно завопило. Оно, а за ним и прочие его собратья бросились врассыпную, только треск ломающихся веток да громкие вопли звучали вокруг. Секунды не миновало – поляна опустела.

Вспыхнул цветок. Ярко, необычайно ярко. Его пламя осветило и густую траву, и ближайшие деревья, и кусты, и изодранного ослепленного его блеском человека, и нескольких зазевавшихся существ наверняка из числа тех, кому досталось больше других...

Куст освободил человека и мелко задрожал, делясь на два отделенных между собой кустика. Тот же не удостоил внимания испуганное растение, просто прошел насквозь и медленно побрел вперед. Он не думал о том, почему кустарник уступает дорогу человеку. Он не знал, кто он, не помнил, где находится, не догадывался, почему он здесь, он знал одно – ему надо идти. Первое время прямо, а вот уже после...

Глава 1

– Итак, приступаем. Внимание, приготовились, раз-раз, как слышно меня, прием... Стоп, о чем это я? Не из этой это... не из той, не из того, так сказать, произведения музыкальной драматургии. Словом, не то, не тогда, и вообще! Все, я собрался. Повторим, точнее, начнем сначала... Готово? Пишем. Здравствуйте! Это дневник экспедиции, я бы сказал видео его версия. День первый, сегодня двадцать восьмое июня две тысячи тринадцатого года, пятница, одиннадцать без пяти, утро. Да простят меня потомки за чрезмерное пристрастие к деталям! Не судите строго, такой уж я уродился, а коль решите судить, примите во внимание тот непреложный факт, что для меня это первый опыт, первый блин, так сказать... и хорошо бы он не стал последним. Так, нет, все! Я готов, я собрался, по делу и только по делу. Меня зовут Виктор, Виктор Палыч. Я в экспедиции, нет, не так, я член экспедиции. Мы научная экспедиция и наша цель – раздобыть цветок папоротника, волшебный цветок, который распускается, как всем известно, единожды в году, в самую, что ни на есть, купальскую ночь. В ночь на Ивана Купала. Да, задача как моя, так и моих достопочтимых коллег состоит в том, чтобы обнаружить цветок. Это первое дело. Далее надо сфотографировать его, сорвать, засушить, прилепить на него инвентарный номер, ну и все такое. А точнее, выследить, окружить, захватить или уничтожить! – доселе почти серьезное и чуточку сконцентрированное лицо, поглядывающее из монитора, расплылось в улыбке, в ответ на улыбку своего отражения, человек у компьютера залился безудержным смехом. – Что же это получается, я – Витек гроза папоротниковых!

Стандартная комната стандартной городской квартиры. Ничем не примечательная она, ничем не выдающаяся, подобное помещение можно увидеть в любом без исключений многоэтажном доме, любого без исключений города.

Не нужно пристально вглядываться, беглого взгляда достаточно, чтобы понять очевидное – квартира съемная. И дело вовсе не в состоянии жилья, не столь оно и плачевно. Часто случается, что и собственная жилплощадь выглядит хуже. Просто на каждой детали интерьера, на каждом предмете мебели лежала печать частой смены квартирантов, частой смены временных владельцев.

Нет, если вдуматься, новым жильцам очень даже повезло. Как минимум, могло быть хуже. Квартира могла быть темной, мрачной, заполненной спертым воздухом с витающими в нем неистребимыми запахами сырости, грибка и тления. Она могла бы встречать потенциальных своих обитателей рассохшейся дверью покрытой облупившейся краской, могла задавить остатки хорошего настроения видом оборванных обоев, черно-зелеными пятнами пустившей корни в стены плесени. Ко всему мог быть потолок, с которого свисали бы обломки некогда приличной лепнины, с ними раскуроченная люстра, вокруг сломанная мебель...

Ничего подобного не было. Войдя в подъезд (на удивление приличный на вид) временные жильцы поднялись на третий этаж. Увидели перед собой новую металлическую дверь с блестящим на ней номером «13». Остановились. Секунда и массивный ключ легко провернул надежно скрытый за листом металла механизм замка.

Тут же их взорам предстала довольно-таки большая трехкомнатная квартира чистая и ухоженная: светлые комнаты, просторная кухня, недавно отремонтированная ванная. Единственное, что озадачивало, что сразу вызывало легкое недоумение – изрядная нелогичность планировки. Непонятно чем руководствовался ныне справедливо забытый зодчий, который так не по-хозяйски распланировал внутреннее пространство! Правда, разве может простой человек понять, для чего проектировщику понадобился такой длинный (проходящий через всю квартиру) и широкий коридор? Исходя из какой непонятной логики, архитектор решил обокрасть будущих жильцов, отобрав у них массу полезной площади?! Конечно, при желании

можно и в коридоре жить, вот только от чего подобное желание возникнет? Разве что от безысходности...

Проходящий лейтмотивом сквозь всю квартиру и упирающийся в противоположную стену здания полностью лишенный мебели коридор вел посетителя, а то и временного жильца, во внутренние помещения. Сразу у входа боковое ответвление того же коридора только уже и короче препровождало на кухню и разные там удобства. Дальше три двери. Две по правой стороне, одна в стене, что слева. За теми, что справа были два совершенно одинаковые помещения – спальни. За правой же дверью расположенной у дальней стены находилась просторная самая светлая (южная сторона все-таки) комната, как сказала хозяйка – гостиная.

Что тут сказать, да, касаясь планировки, у квартирантов могли возникнуть вопросы, но возмущаться по поводу мебели было грешно. Все чего только могла пожелать душа, любой (в разумных пределах, конечно!) предмет мебели был в наличии. Даже с избытком. Более того, создавалось впечатление, что квартиру, помимо того что сдавали, использовали как склад старой мебели, той, что никому не нужна, но выбросить ее жалко. В свете этого наблюдения неимоверно живописно выглядела кухня. Множество полочек и шкафчиков висели на стенах, занимая всю их высоту от пола и до потолка (одно радовало – кухня действительно большая и от обилия настенных хранилищ посуды и продуктов не возникало ощущения тесноты). Не отставали по количеству мебели и спальни, в каждой из них уместились по два дивана и по четыре (правда, в сложенном виде) кровати. Кроме них нашлось место для нескольких кресел вот только стояли они столь плотно, что через них приходилось перепрыгивать, тумбочки те и вовсе одна на другой...

Единственной комнатой, в которой количество мебели не зашкаливало, была южная светлая гостиная, та, в которой и обосновался чрезмерно смешливый член экспедиции Виктор Палыч.

Сквозь большие, правда, давно немытые окна в комнату пробивался свет. Дневной, но не слишком яркий, он не бил в глаза, не слепил, заставляя отворачиваться. Это все потому, что некоторое его количество терялось в толстом слое пыли покрывавшей стекла, к тому же яркость регулировали густо растущие под окнами тополя. Легкий ветерок играл их вытянутыми в высоту веточками, заставлял свет подмигивать, тем самым создавал иллюзию движения, имитацию жизни. Отличный природный светофильтр – красивые здоровые деревья, густая листва. Лишь некоторые особо шустрые лучики умудрялись преодолеть живой заслон, проникнуть сквозь грязь стекла, коснуться нескольких стеклышек в рамках лишенных фотографий, с них перепрыгнуть на прозрачную дверь серванта, покоящегося в углу, отразиться от его поверхности, вспыхнуть тысячами огоньков, блуждающих по всему помещению. Словом, красота...

Просто посреди всей этой идиллии несколько под углом к двери стоял шкаф. Большой, трехстворчатый. Его местоположение было определено не дизайнерской мыслью, а исключительно габаритами и весом, до чего же легко представить, как те несчастные, которым довелось нести этого монстра из мира мебели, бросили его, стоило только переступить порог комнаты! Чуть-чуть фантазии и можно услышать вздох облегчения от того, что наконец-то его можно поставить да отдышаться! Пожалуй, так бы он и стоял, преграждая проход, вот только грузчикам надобно было выходить, потому они его и подвинули, настолько, насколько хватило сил и желания...

Новые жильцы не углублялись в размышления на тему, что именно послужило причиной столь нелогичного расположения шкафа, они не пытались даже передвинуть его на более подобающее место, к стене, например. Напротив, они сразу осознали всю пользу от столь массивного предмета мебели. К задней его забитой фанерой стенке впритык пододвинули один из четырех разбросанных по квартире кухонных столов, от чего столь незатейливая комбинация превратилась в импровизированный кабинет. Конечно же, только после того, как почетное

место посреди столешницы занял блестящий шлифованным алюминием новенький ноутбук. Ведь современный кабинет и без компьютера это что угодно, но не кабинет!

За столом, точнее, частично на столе, сложив руки и уронив на них голову, вздрагивая от острых приступов смеха, сидел мужчина. Его плечи подергивались, голова перекатывалась от одного локтя до другого. Он уже не смеялся, нет, он лишь тихо всхлипывал. Постановив, силясь прогнать созданную воображением картинку – он, облаченный в неимоверно-футуристический скафандр, сражается с невиданным плотоядным цветком, а вокруг, ограждая поле битвы, множество ветвей папоротника, покачиваются, колышутся, тычут в него листьями-копьями.

– Представится же такое...

Скоро он окончательно выдохся. Перестали вздрагивать плечи, стихло всхлипывание. Он поднял голову, внимательно посмотрел на свое оцифрованное отражение в мониторе. Подмигнул себе, подавил вновь пробивающуюся улыбку, обернулся, мигнул глазами, чувствуя, как рот сам собой открывается от удивления.

Там в другом конце комнаты у окна, чуть заметно улыбающийся, стоял еще один временный обитатель квартиры с номером тринадцать. Мужчина роста выше среднего, худощавого телосложения, с непропорционально большой головой. Пожалуй, большой она казалась исключительно из-за по-настоящему творческого беспорядка на ней. Ему бы не помешало постричься или хотя бы вспомнить, что такое расческа...

В отличие от Виктора, который все это время занимался исключительно тем, что кривлялся на камеру и сам с себя смеялся, у его напарника была куда более ответственная задача – он поливал цветок. Не спеша, методично, кроме того, весьма своеобразным способом.

Цветок. Рядом с нестриженным великаном на подоконнике стоял большущий кактус. Он пустил корни в объемном точно соответствующем его габаритам керамическом горшке. Судя по растрескавшейся земле, глубоким каньонам-трещинам, которые лучами отходили от ствола растения – кактус давно позабыл, что такое полив, а то и вовсе никогда не слышал о таком приятном для любого растения мероприятии. При всем при этом он держался, все-таки кактус это один из немногих представителей живой природы, которые имеют хоть малейший шанс выжить в условиях постоянной смены жильцов. И он ним воспользовался ведь вопреки столь неуважительному отношению к своей колючей персоне со стороны хозяев и предыдущих квартирантов выглядел он весьма бодренько, более того, вырос в высоту более чем на метр, да и в ширину раздался очень даже неплохо.

Отсутствие полива и пренебрежение это, конечно же, плохо, но так было раньше, теперь же все в жизни «колючего» изменилось, ему наконец-то повезло. На жизненном пути растения появился человек понимающий, как минимум, знающий толк в поливе.

Именно так, высокий худощавый поливал кактус. Поливал весьма и весьма оригинально...

Началось все пятнадцатью минутами ранее. Тогда, только завидев истосковавшееся по воде растение, любитель всего растущего взялся за его спасение. Взялся и тут-таки наткнулся на первое совершенно неожиданное препятствие. Оказалось, во всей квартире, сколько ни ищи не найти ничего такого, что можно было бы использовать в качестве емкости для полива! Вообще ничего, ни чашки тебе, ни стакана. Нет, ну не поливать же цветок из огромной кастрюли! Хотя если других вариантов нет...

Очень кстати оказалась найденная в глубине серванта бутылка из-под шампанского. Рядом с ней покрытая толстым слоем пыли лежала рюмка с отломанной ножкой. Пожалуй, маловата она, как для шипучего напитка, но кто-то, когда-то так не посчитал. Как бы там ни было, поскольку дальнейший осмотр многочисленных кухонных ящичков и полочек ничего не дал, любитель растений некоторое время повертел в руках сначала бутылку, после рюмку, посмотрел на несчастное растение, жаждущее внимания, пожал плечами и смиренно напра-

вился к крану. Набрал в бутылку воды, добавил в нее несколько капель удобрений из флакона, который никогда не вынимал из любимого «командировочного» портфеля. Подошел к цветку и принялся его потчевать.

– Слушай, Сань! Да перестань ты над растением измываться! Что ты ему рюмочками цедишь? Налил бы, как мужику, из бутылки!

– Бессмысленно. Ты эту землю видел? Тут же трещины до самого дна. Да если я буду воду просто лить, она вся вытечет и толку от моего полива? Только подоконник залью, – тот печально пожал плечами. – Распушить бы, так нечем. Удивительная квартира! Ни тебе ножа, ни гвоздя какого, вилок и ложек тоже нет! Хотя, о чем это я говорю, даже тары приличной не найти. Ничего, скоро товарищи наши вернуться, надеюсь у Игорька отвертку какую-нибудь выпросить, вот тогда будет дело. Подожди! А ты почему это бездельничаешь? Тебе, кажется, доверено было дневник вести, так дерзай, трудись!

– Да вот не получается и все тут. Честно! Знаешь, Сань, мне и раньше затея наша веселой казалась, а теперь, что называется, в полевых условиях, гораздо веселее казаться стала. Как представлю себя в роли этого... охотника. Который на папоротники охотиться! Так смех и распирает. Держитесь, мол, спороносные, мы вышли на тропу войны! Вот не могу ничего с собой поделать! – он взорвался новым приступом смеха, но наткнувшись на холодный взгляд товарища, моментально стал серьезным. – Нет, если глобально, так сказать, то я ничего. И не об этом я вообще. Я имел в виду то, что папоротник размножается спорами, потому он «спороносный» только и всего...

– Спасибо огромное! – ответил второй, которого звали Саша. – Просветил меня биолога. Век благодарен буду!

– Ладно тебе, не ерничай, – Виктор нажал на паузу. – Не в этом дело, просто понимаешь, не идет работа. Заносит меня куда-то. Может, устал? С дороги еще не отошел? Может, я ведь впечатлительный о-го-го! А вообще я вот что подумал – давай я пока ничего записывать не буду. Если что, ты прикроешь, скажешь, мол, занят был. Не до того было, тебе, дескать, помогал, а Сань, договорились? С меня причитается!

– Как будто у меня есть выбор! Конечно, договорились. Особенно, если «причитается», – биолог замолчал, несколько секунд внимательно смотрел в окно, потом повернулся к Виктору, смерил того взглядом и задумчиво заметил: – Но это все ладно, только я бы тебе посоветовал штаны все-таки надеть...

– С чего это?! Мне так очень даже комфортно, – Виктор пожал плечами и осмотрел себя. Все его одеяние составляли черные трусы с нарисованной на них пивной кружкой и надписью «Пей в меру!» да вдобавок к ним рубаша, завязанная на животе узлом. – Очень даже правильная одежда, летняя. С одной стороны, я как бы одет, а с другой – вентиляция имеется!

В ответ собеседник странно скривился, маскируя улыбку, отвернулся к окну и совершенно равнодушным тоном ответил:

– Как знать, может ты и прав. Но прошу заметить, я намекал!

Из глубины коридора со стороны входной двери донесся отчетливый щелчок за ним протяжный скрежет – кто-то ключом проворачивал механизм замка. Один оборот, за ним еще один. Открылась дверь, в коридоре послышались шаги. Виктор затравлено огляделся, повернулся к внимательно изучающему землю под кактусом товарищу и прошептал:

– Санька, еще раз выручи, будь другом! Как стереть все то, что я уже наговорил? Ничего в этом агрегате с клавишами не понимаю...

– Не понял, а кто из нас на программиста учился?

– То блажь была, ну выручи, а!

– Открываешь меню, пункт «Запись», выбираешь текущую, выделяешь, жмешь «Удалить», всего-то...

– Легко тебе говорить, а где это «меню» находится? – дрожащий указательный палец завис над клавиатурой.

Шаги приближались к двери гостиной.

– Ну, как ваши дела, коллеги? Успехами похвастаетесь? – веселый мужской голос влетел в комнату.

– Сань, ну имей совесть! – прошептал Виктор, все ниже склоняясь над клавиатурой. – И зачем столько кнопок наткано...

Саша оставил полив, подошел к столу, схватил мышку, несколько раз ней кликнул, от записи не осталось и следа.

– Учи матчасть, двоечник! Как минимум, прочти инструкцию, – не преминул шепотом поучить товарища биолог и уже громче добавил: – Нормально все, можно сказать, по плану. Пока кактус оживляем. А вы как-то подозрительно быстро!

– День сложился удачно, подвезли нас...

В комнату вошел мужчина на вид лет пятидесяти, среднего роста, не худой, но и не толстый, один из тех, которых называют коренастыми. Типичный представитель редкой категории мужчин, которым не нужно ежедневно изводить себя в спортзале, сжигая неумолимо скапливающиеся калории, и которые, несмотря на это, умудряются выглядеть подтянутыми. Он прошел в центр комнаты, остановился, провел рукой по жидким практически полностью седым волосам, задержал взгляд на излишне сосредоточенном лице Виктора, на его «летней» одежде, улыбнулся странной улыбкой, не менее странной, нежели та, которой недавно одарил того Саша. Перевел взгляд на подоконник, улыбнулся шире и гораздо искреннее.

– Да, вижу, работа идет! Особенно у Саньки. Просто не перестаю удивляться, не прошло и получаса с тех пор, как мы переступили порог этой квартиры, а изменения! Кактус просто-таки ожил. Не удивлюсь, если он к утру расцветет.

– Нет, к утру точно не расцветет. Он ночной житель, а вот ближе к следующему вечеру, все может быть... – скромно ответил биолог. – Почему-то у многих к кактусам особое, особо пренебрежительное, отношение. Мол, колючка, чего с нее взять, ничего с ней не случится! Так-то оно так, он действительно выносливый, тем не менее, это растение. Он, как и любой представитель живой природы, любит влагу, солнце в меру, ласку любит, да и это тоже! В литературе описано немало случаев...

Прибывший взмахнул рукой, будто дирижер, дающий команду умолкнуть оркестру. Саша, повинуясь, замолчал, Витька хихикнул и все трое чуть натянуто рассмеялись. Смех быстро смолк, а в наступившей тишине отчетливые зазвучали шаги. Две пары ног, два человека. У одного тяжелый шаг, неторопливая поступь – мужчина еще и с избыточным весом, но это ладно, а вот шаги другого! Ошибиться было невозможно, по коридору шла женщина. Женскую походку с мужской не спутать, темп, рисунок, да и звук, слишком уж звонко каблучки стучат по старому проверенному временем паркету!

Первым в дверном проеме показался невысокий широкоплечий изрядно упитанный мужчина на вид лет тридцати пяти – сорока. Он улыбнулся и дружески кивнул присутствующим. Вздрогнул, будто что-то вспомнил. Резко повернулся, наклонился, стал в позу, от которой тут-таки повеяло самодеятельным театром. Изобразил нечто, что можно было трактовать, как «проходите, пожалуйста», кивком поклонился и на удивление шустро растворился в тени. На свет вышла девушка. Невысокого роста, стройная, одета в немного не по сезону плотный костюм – темная юбка чуть ниже колен в тон ей жакет, на лацканах которого аккуратно расправленный лежал воротник небесно-голубого цвета блузки.

Отвесив легкий полупоклон здоровяку проявившему такт, уступив ей дорогу, она перешагнула через порог и вошла в комнату. Остановилась. Солнечные блики, которые до того бесцельно метались по стенам, потолку и мебели, разом бросились к двери и веселым хороводом закружили вокруг гостей. В их живом блеске обрамленное длинными волнистыми каш-

танового цвета волосами ее несколько бледное лицо засияло волшебным почти мистичным светом. В бездонных глазах, прогоняя таящуюся грусть, вспыхнул и разгорелся огонек невиданной силы. Тот же миг она превратилась в фею, волшебницу, сошедшую со страниц доброй детской сказки: милое лицо, слепящая улыбка, прекрасные глаза. Да, это было явление сказочного персонажа, настоящее чудо, но время чудес оно так быстротечно! Мгновение подлинного волшебства, секунда настоящей сказки и все осталось в прошлом. Померк свет, не было более в нем ничего сверхъестественного, был только отблеск солнца и красивая девушка с тонкими чертами лица у двери, что само по себе уже немало.

Удивительного оттенка синие глаза внимательно осмотрели убранство комнаты, грязные окна, кактус, поливающего его из рюмки биолога. Долше всего взгляд задержался на просто-таки умилительной картине: сидящий на шатком стуле совершенно неготовый к визиту дамы Виктор медленно сползал под стол, безуспешно пытаясь завернуться в слишком уж короткую рубаху...

– Здравствуйте! А у вас здесь очень даже мило, – бархатный голос необычайно нежно прозвучал в грозящей взорваться смехом тишине, казалось, это и не голос вовсе, это вновь возвращается сказка. – Только жарко. Кондиционера вам не хватает.

Предательски заскрипел старый стул. Резные ножки трещали, подкашивались, давая возможность присутствующим во всех деталях представить то, что неминуемо произойдет дальше.

Взглядом утопающего Виктор посмотрел на биолога, но тот только ниже склонился над цветком...

– Где у вас можно руки сполоснуть, – изо всех сил стараясь не рассмеяться, прошептала девушка.

– Идемте, я вас провожу... – донеслось из коридора.

Пользуясь моментом, Виктор схватил висящие на спинке его же стула брюки и, не вставая, попытался их натянуть. Ненадежные ножки заскрипели еще противнее, изогнулись еще сильнее. Громко захохотал коренастый, ему вторил биолог.

– Смейтесь, смейтесь, – пробормотал Виктор. Он уже выбрался из-под стола и принялся прыгать на одной ноге, чем вызвал новый приступ хохота. – И ты... Санька, друг называется! Нет, чтобы предупредить, тебе бы только насмехаться...

Громко зазвенел дверной звонок. Смех тут-таки прекратился.

– А вот и наши пожитки доставили. Хватит тут клоунаду устраивать, пошли, поработаем немного! – «коренастый» в нетерпении потер руки.

– Присаживайтесь на этот стул, он гораздо устойчивее, я лично проверил, – собрав воедино всю галантность, на которую только был способен, Виктор смешно поклонился.

– Вы так заботливы! – шутилым тоном отвесила комплимент девушка и присела.

– Все, давайте уже, рассаживайтесь. Витька, не мельтеши, устройся где-нибудь! – «коренастый» прошелся по комнате. Все сели, он же остался стоять. – Отлично! Пожалуй, можно начинать. Скажу честно, я изрядно удивлен. Как-то получилось все очень даже хорошо, правильно как-то, не так как всегда. Следовательно, не теряя времени, предлагаю приступить к делу. Для начала познакомимся. Меня зовут Анатолий Константинович, это на тот случай если кто-то забыл. Именно я являюсь зачинщиком нашей вылазки и потому назначаю себя ее научным руководителем. Далее, Наталья Владимировна, – девушка поднялась. – Не надо, не вставайте. С Наташей мы знакомы давно, правда, знакомы заочно. Лично же познакомились лишь сегодня. Да, Наталья – директор местного краеведческого музея...

– Бывший директор, бывшего музея, – девушка густо покраснела. – Извините...

– Ничего, ничего. Идемте дальше. Вот этот художавый великан у окна рядом с таким же не очень низеньким кактусом – Саша, простите, Александр Юрьевич, он у нас биолог, кан-

дидат наук. Саша, помашите людям ручкой. Отлично. Переходим к дивану. На нем скромно в уголке устроился Игорь, он не самый стройный в нашем коллективе, но это неважно. Да, еще он не отличается разговорчивостью (не могу сказать, хорошо это или плохо), но главное в нем даже не это. Игорь у нас физик, крупный специалист по радиоэлектронике и большой знаток в области аномальных явлений. Вот только он знаток, так сказать, из лагеря скептиков. Очень полезное качество в нашем деле – трезвый взгляд на вещи гарантирован. Как-то так. Остался Виктор, вон он на валике разлегся! Помимо того что он большой любитель разгуливать в неглиже среди приличного общества, он мой ученик.

Анатолий Константинович внимательно обвел взглядом присутствующих и пожал плечами.

– Предлагаю считать официальную часть закрытой. Для начала достаточно. Познакомиться ближе успеем, как это говорится, в процессе работы. Теперь за дело. Наташа, мы пока ящики свои разберем, там одно железо: датчики, приборы, камеры...

– Понятно, тогда я в магазин схожу. Надо же подкрепиться, потом, после распаковки.

– А я вам помогу! – Виктор скатился с дивана. – Негоже женщине сумки тяжеленные таскать!

– Добро! – Анатолий Константинович утвердительно кивнул. – Штаны только не забудь надеть! Наташа, вы с ним строже...

28 июня 2013 года

Виктор

– А что, я не возражаю! Еще раз, значит еще раз. Вторая попытка. Точно как и в прошлый раз, меня зовут Виктор. Уверен, в это трудно поверить, но я действительно студент, – он посмотрел в монитор, из которого ему улыбалось и подмигивало вовсе не юношеское лицо. – Лет мне от рождения тридцать шесть, еще и с хвостиком, но ведь учиться никогда не поздно и ученье никому еще не повредило! Только нет, вы не подумайте, я не такой уж и неуч. Имею за плечами два высших образования, правда, ни одно из них не законченное. Не дотягивал я до конца обучения. Так уж получалось...

Почему? Да большому счету я и не виноват вовсе, что тут можно поделать, если мне так много времени понадобилось для того, чтобы осознать очевидное – никакой я не физик, и уж тем более не компьютерщик! Это я раньше так думал. А вот сейчас сижу, поглядываю на себя оцифрованного, в мониторе отражающегося, и никаких сомнений не возникает – смотрит на меня историк, вылитый историк! Ну, просто под каким углом не смотри, да хоть монитор переверни или набок поставь – историк и все тут!

Недавно я это понял, совсем недавно, вот теперь и учусь в университете на историческом факультете под чутким руководством Анатолия Константиновича. Именно так! На данный момент я перешел на третий курс. Грызу гранит науки, стараюсь, даже несколькими публикациями похвастаться могу. Конечно, большинство из них так, очерки, пробы пера, одна только стоящая... на мой взгляд.

Что можно еще добавить... – в микрофон влетел неразборчивый голос начальника экспедиции. – Нет, а я чего! Я и так не для себя, я для истории. Вы не обращайте внимания, Константинович, он ведь преподаватель, учитель. Потому и учит...

Наверняка кто-то захочет задать вполне логичный вопрос, мол, что я здесь, в этом, так сказать, проекте, делаю? А то и более серьезный вопрос прозвучит, а что это за проект такой? Так вот, касаясь второго – это не ко мне, к Константиновичу это. Он главный, ему будьте добры все каверзные вопросы на глобальные темы. Субординация должна быть. Он руководитель, а я, я даже не на вторых ролях, я на четвертых, а то и вовсе на пятых. Следовательно, я уполномочен отвечать исключительно на такие вопросы, которые касаются исключительно меня. Не иначе как на исключительно исключительные...

Что я здесь делаю? Да, это мой вопрос, исключительный. Так вот, дело в том, что Анатолий Константинович заметил меня в толпе студентов. Нет, дело не в том, что я, какой-нибудь исключительный. Что вы, заурядный я! Один лишь возраст, но не он причина. Так случилось, что однажды, еще в самом начале моего обучения, поспорил я с Константиновичем. Серьезно поспорил, не поругался, нет, именно поспорил. Не сошлись мы с ним в трактовке одного исторического события. Вынужден признать – неправ был. Да, признаю, я был неправ! Что в этом такого?! Тогда же мы подискутировали и остались при своих мнениях. Тем не менее, он меня приметил. Уважает он людей, отстаивающих свою точку зрения, пусть даже она и ошибочная. Так что именно потому собирая команду для столь оригинальной экспедиции, он вспомнил обо мне. Поговорили, я согласился. Терять мне нечего, наоборот, при любом раскладе я оказываюсь в выигрыше. Наша экспедиция, как минимум для меня, это опыт. Своего рода практическое занятие. Еще, если выгорит, можно будет и подзаработать – далеко не последнее дело, особенно для нас вечных студентов!

Знаете, странно как-то все получается. Казалось, да, поговорили мы, все с Константиновичем обсудили, все было ясно, все понятно. Совсем немного времени прошло, а понимание где-то потерялось! Даже сейчас, сижу я у монитора, разговариваю с железкой этой, а чудно как-то. Смешная экспедиция получается, веселая, как минимум, а то и вовсе глупая!

Нет, все, молчу, касаемо целей экспедиции и их обоснования – все к Константиновичу, к нему все!

Пожалуй, хватит для начала, буду сворачиваться, не то я такого наговорю, что самому слушать противно будет, не говоря уже о потомках, благодарных и не очень! Пойду я лучше к людям, ящики потаскаю, может, кого другого потянет выговориться. Да, чуть не забыл, сегодня двадцать восьмое июня года две тысячи тринадцатого нашей эры. День первый, четырнадцать ноль-ноль.

Кстати, а кормить нас сегодня будут? Будут, вижу, будут! Наталья Владимировна, позвольте вам помочь!

– Плохо дело товарищ руководитель! Магнитометр свое отработал. То ли везли «аккуратно», то ли несли «осторожно»...

– Ну, зачем так сразу – отработал! А ремонт?

Игорь покачал головой, одновременно пожимая плечами.

– Нет, я, конечно же, посмотрю. Разобрать не проблема, собрать тоже, а вот насчет того чтобы отремонтировать! Посмотрите, даже из того, что видно невооруженным глазом: переключатель «с корнем» вырван, кнопки нет, головка разбита. Ну, это ладно, замкнуть можно, напрямую пустить, да и с головкой все не так катастрофично, там только стеклышко лопнуло, похоже, стрелка погнулась. Это поправимо и вообще суть головки – обычный амперметр, если что, а свой авометр приделаю, даже точнее будет, – Игорь перестал размеренно двигать плечами, огляделся. – Меня заботит то, что внутри корпуса перекачивается, шуршит подозрительно так, да еще и позванивает. Страшно предположить что это! Не иначе как стекло, значит, лампа какая-нибудь. Я ведь еще тогда честно предупреждал – аппарат очень древний! Если так, то искать лампы, да еще здесь, в глуши? Нет, я конечно постараюсь...

– Хорошо, а если новый агрегат купить?

– Да разве кто-то станет возражать? Новое, это всегда новое, только как по финансам, накладно?

– Есть немного. Хорошо Игорек давай сделаем по уму, ты уж будь добр разберись. Раскрути, посмотри, если же другого выхода нет, так и быть, будем покупать. Конечно, выберем что-то проще, дешевле, выкручиваться как-то надо. Без магнитометра мы как без рук. Площадь исследований огромная, всю ее мы не перекроем. А у тебя Сань как?

– Превосходно! Все дорогие моему сердцу банки и склянки в целости и сохранности. С оптикой также все отлично: микроскоп цел, лупы, бинокль любимый. Даже гербарий папоротниковый и тот доехал без потерь! Ни листика не потерялось!

28 июня 2013 года

Саша

– Что я здесь делаю? Ищу! Ищу то, что до меня никто не искал. Никто не искал, следовательно, никто и не находил, а по большому счету даже и не пытался. Да, я почти уверен, что не существует никакого мифического цветка, но с чем черт ни шутит? Что Константиныч? Понимаю, не стоит поминать «рогатого», коль к нему в гости намерился, трудно поспорить...

Все правильно, зовут меня Александр, специализируюсь я на ботанике, как любит напоминать наш главный – кандидат биологических наук. Но что это за наука?! Сажу себе в теплом кабинете, бумаги с одной стопки на другую перекладываю. Червь я бумажный, а не кандидат! Что такое работа в поле давно позабыл, тут в парк на природу выберешься уже праздник. Словом, засиделся я за столом оттого и брюзжу...

В этом, собственно, ответ – засиделся я на месте, не хочу более бумагу изводить, хочу работы, настоящей, приносящей плоды и удовлетворение работы. Это первое, но есть и второе. Хочу привнести в науку что-то новое, открытие сделать мечтаю. Нет, я не рассчитываю перевернуть все с ног на голову, не хочу опровергнуть законы мироздания, еще что-то в этом роде. Боже упаси! Мне достаточно малого, достаточно оставить след, свой, пусть неглубокий...

Такие вот у меня скромные потребности. Да хочу, пока годы еще позволяют, – он внимательно взгляделся в свое изображение в мониторе ноутбука, поправил челку, подмигнул себе. – Да, пока еще позволяют, а потому хочу оставить след в науке!

Касаемо папоротника и его цветов. Совсем недавно один не очень мудрый человек меня просветил, сказал: «Растения семейства папоротниковых размножаются спорами». Это ясно и это понятно, но мы ведь ищем не органы размножения... да, кстати, это не ко мне, по этому вопросу... все вопросы к Константинычу.

Вот молодец он! Что тут скажешь? Удивительно, как он умудрился собрать всех нас, таких разных незнакомых между собой людей? Заразил одной идеей, странной, нелогичной, паразитической!

Ладно, все, закругляюсь. День первый, прибыли, распаковались. Добрался без потерь. Одним словом, готов к работе!

Подожди, Игорек, не ломай... без меня. Сейчас я тебе помогу...

Совместными усилиями удалось снять крышку прибора. Скорее всего, за те десятилетия, что магнитометр верой и правдой служил людям, никому еще не доводилось его разбирать. Старые болты буквально срослись с металлом крышки и меньше всего на свете хотели быть выкрученными, вдобавок уплотнитель делающий корпус герметичным скрепил детали не хуже хорошего клея...

– Вот раньше делали! Не пожалели столько алюминия на какую-то крышку. В ней килограмма три будет никак не меньше! – Игорь аккуратно положил массивную деталь на пол, взял фонарик, посветил внутрь корпуса. Скривился. Покачал головой. – Что вы Константиныч говорили о новом магнитометре?

Со всей мыслимой осторожностью Игорь запустил руку в хитросплетение разноцветных проводов. Коснулся ближайшей платы, тут же тихо вскрикнул. Одернул руку – с безымянного пальца упала алая капелька крови. Со второго захода заинтересовавшую его деталь удалось извлечь. В руках у физика оказалось неоспоримое доказательство плачевного состояния агрегата – кусок текстолита, из которого торчали два эбонитовых цоколя, словно прозрачными коронами увенчанные стеклянными осколками...

– Две лампы вдребезги. Маркировки не разглядеть, схемы как таковой нет. Там глубже еще одна радость виднеется – конденсатор переменный, вид у него такой, будто его молотком били. Что еще, пока не знаю, но этого уже более чем достаточно, – он покачал головой и тяжело вздохнул. – Константиныч, а давайте в суд на этих «извозчиков» подадим! Выбьем деньги, на новый аппарат хватит, еще и сами заработаем. Чем не идея?

– Идея отличная вот только времени нет. Остается покупать...

– Это да. Любопытно, сколько этому чуду техники лет? Бирку вижу, но дату выпуска на ней не рассмотреть... – Игорь поднял крышку, внимательно вгляделся в черный прямоугольник, покрытый еле различимыми цифрами. – Ну и ладно. Что скажете, собирать?

– Лично я бы не торопился, – серьезно заметил Виктор. – Я бы раскрутил все, что только можно раскрутить, снял бы все более или менее ценное, а остатки сдал бы в металлолом...

– Я сейчас тебя сдам, еще чего придумай! Да, он антикварный, но он на балансе в лаборатории при институте числится. Целый или сломанный, он должен быть в наличии!

– А может, ну ее эту электронику? – вклинился в разговор Саша. – Может, по старинке? Два прутика ивовых в руки или рамки сделаем. Нужна всего лишь медная проволока. Наверняка в этом высокоточном гробике ее много. Пройтись по местности, выбрать участки с аномалиями, всего-то!

Печальным до отрешенности жестом Игорь пожал плечами:

– Так-то оно так, но ты уверен, что то, что ты измеришь, будет иметь хоть какое-нибудь отношение к реальности? Хоть малейшее? Я, вот лично я, и вовсе сомневаюсь в подобных методиках, пусть они даже проверены временем. Да, я в курсе так раньше воду искали, но ты и сам все понимаешь, одно дело колодец рыть, а совершенно иное... да, и напряженность магнитного поля – объективная физическая величина не то, что покачивание твоих прутиков...

28 июня 2013 года

Игорь

– Когда-то очень-очень давно в далеком детстве любил я читать. Читал все подряд, что называется, запоем. Думаю, и сейчас бы читал, вот только времени не хватает. Тогда же «проглатывал» все, что попадало под руку, но больше меня занимали книги о приключениях, дальних странах, о пиратах, сокровищах зарытых на райских островах. Сейчас вспоминаю детские годы и удивляюсь самому себе. Каким это ветром меня в физику занесло?! Ведь при таких увлечениях должен был я стать путешественником. Дальние плаванья, забытые клады, затерянные острова, все такое. Географом должен был стать я, моряком, на худой конец – археологом. Ну, это в том смысле, что раскопки они ведь тоже с кладами бывают, не только со скелетами. А что вместо этого? Правильно, физика...

Вот возьму и честно признаюсь – бывает, выпадет свободная минутка, позабуду обо всем, подключусь к интернету, открою любимую страницу с камерами, вещающими на весь мир. Устроюсь удобнее и окунусь в путешествия. Особенно нравится мне смотреть на работу Панамского канала. Бывает, включу, а там большое, просто громадное судно, груженное контейнерами, проходит шлюзы. Медленно поднимается оно, неторопливо движется. Я же сижу, смотрю, просто оторваться не в силах. Так и представляю, будто бы я на мостике в белой форме с погонами, да помощник капитана, никак не меньше! Веду корабль в необозримую даль...

Ага! Бывает, как занесет, так занесет! Но если уж быть честным до конца, моряк из меня вряд ли получился бы. Меня в штиль у берега на прогулочной посудине укачивает, что говорить о морях, океанах, дальних походах!

Ладно, оставлю море в покое, буду любоваться ним с берега, а то и вовсе через камеру. Кроме того, канал, он ведь и не море вовсе, это инженерное сооружение, созданное не без помощи физиков. К тому же, я воды боюсь, плавать совершенно не умею, а в далеком детстве даже тонул, однажды, было дело, еле откачали. Столько времени прошло, но и сейчас снится,

задыхаюсь во сне, все не отпускает. Так что сухопутный я, и кроме всего, разговор вовсе не об этом...

Давайте снова вернемся в детство, туда, к пиратам и их кладам, к поискам сокровищ. Вот это действительно мое! Помнится, вдвоем, я и мой друг детства, все окрестности родного села излазили, все клады искали. Именно в то время собрал я первый свой электронный прибор – металлоискатель, простенький, конечно, но вполне себе работоспособный, вот оттуда физика, а с ней и электроника. Кладов мы никаких не нашли зато добыли пару снарядов времен Великой Отечественной. Разобрать их собирались, только не успели, взрослые отобрали (за что им огромное спасибо!). Такая себе... предыстория.

Вот это я экскурс в себя устроил, а Константиныч говорил, будто я не разговорчивый! Нет, это как посмотреть...

Я тут подслушал, все разговоры на камеру сводятся к ответам на два вопроса: первый – кто я, второй – что здесь делаю. Касаемо первого я уже нагородил, осталось рассказать, что я делаю в столь странной экспедиции. Ну, будем считать – я ищу клады! Вот! Мое в этом деле – поиск кладов, а поиск кладов, соответственно, это мое. Благо в первоисточнике, в небезызвестном произведении Гоголя Николая Васильевича, каждый об этом знает, содержится конкретное указание на то, что цветок наш – лучший помощник в поиске сокровищ. Но только нет, все чуточку не так, я ищу клады не для того, чтобы их найти, а исключительно для того, чтобы убедиться самому и доказать другим – никаких кладов нет. Во всех возможных смыслах.

Примерно так. Все. День первый, прибыли, распаковались. Потеряли магнитометр. Точка!

Несколько минут на кухне царила тишина. Команда в полном составе расположилась вокруг стола, обильно заставленного пластиковой посудой. Ели молча, каждый думал о своем. Думали сами, не мешали думать другим.

Первым нарушил тишину Анатолий Константинович. Он отодвинул пустую тарелку, откинулся на спинку стула.

– Знаете Наташа, если так будет продолжаться и впредь, мы никуда не дойдем. Просто не сможем. Уж очень вкусно вы готовите...

– Да ладно вам! Разве это приготовлено?! Все что я сделала – разогрела то, что можно было разогреть, всего-то! – густо покраснев, ответила она. – Давайте я вас к себе приглашу, не сейчас, потом, когда закончим...

– Вот-вот когда закончим, – поддакнул Виктор.

– Ну, это даже и не обсуждается, – серьезно продолжил мысль своего ученика начальник экспедиции, – как только закончим мы всей честной компанией напросимся к вам в гости! Еще и рады не будете. Пока же, спасибо вам за угощение, все было очень вкусно!

28 июня 2013 года

Наталя

– Это правда, я умею и люблю готовить. Не то чтобы кухня и все что с ней связано было моим любимым занятием, нет. Я не выискиваю дни напролет новые рецепты, не стою часами у плиты. Просто так уж получается, если берусь – получается хорошо, да и сам процесс нравится. Конечно, если мне не мешают!

Но это так, между прочим. Хочется верить, что меня пригласили не благодаря моим кулинарным талантам. Хотя, кухня в экспедиции далеко не последнее дело! Попробуйте оставить мужиков один на один с бытом, не думаю, чтобы из этой затеи хоть что-то хорошее вышло! Сразу сухомытка пойдет, бутерброды. С ними, непонятно откуда, горы грязной посуды, беспорядок. Скорее всего, бывают исключения, только мне подобные таланты не попадались...

Конечно, я не претендую на оригинальность, но как-то я не привыкла общаться с компьютером. В том смысле, чтобы разговаривать с ним. Не хватает собеседника, нет живого общения. Именно потому я и по телефону не могу долго говорить. Не видишь глаз того человека, с которым общаешься, не чувствуешь его. С компьютером же и вовсе, будто сама с собой...

Ладно. Меня зовут Наталья. По образованию я социолог. До недавнего времени работала (не совсем по специальности) директором нашего местного краеведческого музея. Бывшего музея, закрыли его без малого год тому назад. Не те нынче времена, когда ценится культура, история, да и наука тоже. Как-то все больше тянутся к коммерции, к тому, что приносит прибыль, к тому, что рентабельно. Вот только не совсем понятно, может ли измеряться рентабельностью память, может ли быть рентабельна, или нерентабельна, история. Не знаю. Но, что бы я об этом не думала – музей наш закрыли. Хорошо хоть фонды вывезли в область. Пусть они там большей частью в запасниках лежат, но хоть хранятся в надлежащих условиях, с надлежащим уходом.

Музей закрыли, я же с той поры успела и почтальоном поработать, и бухгалтером, а совсем недавно, ближе к концу учебного года, в местной школе историю преподавала. Пыталась. Не мое это. Все-таки правду говорят – преподавателем нужно родиться, дар для этого нужен, а коль нет его, то ничего и не получится.

Как я здесь очутилась? Ну, прежде всего это мой город, я здесь живу. Как я оказалась в экспедиции? Исключительно благодаря Анатолию Константиновичу, ему и только ему.

Так случилось, что давно еще, в ту пору, когда музей был музеем, а не блеклым воспоминанием, написала я статью в научный журнал. Первую и единственную в своей жизни. Как ни странно, ее напечатали. Каким-то дивом статья попала на глаза Анатолию Константиновичу, заинтересовала его. После этого ему удалось достать мой адрес, он мне написал, я ответила. Далее изредка перезванивались, а совсем недавно он предложил мне принять участие в странной, как он тогда сказал, экспедиции. Причин отказываться у меня не было, так что...

Почему я согласилась? А почему нет? Времени у меня полно, да и моя это тема...

Собственно, дело в том, что та моя статья была именно о старинном славянском празднике, о самой таинственной и мистичной ночи в году – о праздновании Ивана Купала. Так что экспедиция это своего рода продолжение небольшого научного исследования.

Примерно так, и еще, моя статья была не столько исследованием, сколько данью памяти. Случилась у меня почти купальская история, давно это было. Один хороший знакомый поздравил меня с днем рождения. Стихами поздравил, своими стихами. Конечно, много воды утекло с тех пор, многое забылось, но я точно помню, были в поздравлении такие строки:

«Желаю на Купала в ночь пройдишь по дивной чаще
Там папоротник весь в цвету его цветок на счастье...»

Вряд ли это дословно, но примерно так. Было там что-то о цветке папоротника и о счастье, которое он принесет тому, кто его сорвет.

С тех пор прошли годы. Многое изменилось, многое свершилось, но свой купальский цветок я так и не сорвала. Так что все может быть, а вдруг это шанс?

– Вы уже уходите? – Анатолий Константинович заботливо подал девушке сумочку.

– Да, извините, но мне действительно пора. Мы ведь изначально договаривались на понедельник...

– Конечно, я ничуть не возражаю. Просто так случилось, что мы собрались раньше, но это ни в коем случае не должно мешать вашим планам.

– Тогда до завтра?

– Дайте подумать. Скорее всего, нет. Уверен, день завтрашний уйдет на то, чтобы довести до ума начатое сегодня. Пока закончим с распаковкой оборудования, с тестированием, да и так по мелочам – день пройдет. А вот послезавтра, в воскресенье, если вы не возражаете, я бы попросил вас побыть нашим гидом. Покажете окрестности?

– Конечно.

– Вот и хорошо. И еще одна к вам просьба, домашнее задание.

– Какое?

– Помнится, вы статью написали, о волшебной ночи на Ивана Купала. Очень интересное было исследование, у меня даже вырезка сохранилась. Так вот, если можно, посмотрите, вдруг у вас сохранились какие-нибудь материалы. Что угодно, особенно то, что касается ваших мест. Обряды, традиции, происшествия, нам любая информация пригодится.

– Постараюсь, только боюсь, мало что удастся найти, слишком уж много времени прошло. До свиданья...

Анатолий Константинович запер дверь. Остановился в коридоре. Посмотрел в сторону кухни, скосил взгляд в направлении ближайшей открытой двери, откуда долетали веселые голоса. Махнул рукой, пошел на кухню, открыл форточку, извлек из кармана, заброшенного на холодильник пиджака, мятую пачку. Достал сигарету, подкурил, глубоко затянулся, выпустил облако густого сизого дыма. В очередной раз напомнил о данном себе же обещании меньше курить, попытался успокоиться тем, что это только четвертая за целый день и снова выпустил в сторону окна продолговатое облачко.

Сигарета быстро сгорела. Лениво клубящийся дым поплутал в просторном помещении и нехотя вылетел в открытую форточку. Уже там за пределами дома легкий ветерок окончательно развеял частички дыма, потерялся он, растворился в раскаленном летнем воздухе.

Непроизвольно будто сама собой рука дотянулась до лежащей на столе пачки, ноготь автоматически поддел картонную крышечку, пальцы схватили очередную сигарету, ярко вспыхнул огонек зажигалки.

Подкурить он не успел. Послышался невнятный скрежет, за ним глухой звук удара и все разом смокло. Даже голос Витьки, комментирующего распаковку оборудования, растворился в абсолютной тишине.

– Эй, вы там! Квартиру чего доброго развалите! И без того в смету не укладываемся, – Анатолий Константинович печально посмотрел на сигарету, вернул ее на место и заспешил в том направлении, откуда долетел подозрительный звук.

В комнате со столом и ноутбуком было тихо. Настолько, что можно было услышать, как какое-то невидимое насекомое методично грызет фанеру, заменившую заднюю стенку шкафа.

Под окном, прислонившись к батарее, на короточках сидел Саша. Он вертел в руках черепок – один из обломков керамического цветочного горшка. Вертел и задумчиво улыбался. Рядом с ним расположились остальные члены экспедиции. Слева Игорь с точно таким, как и у биолога, задумчивым выражением лица, он облокотился о подоконник. Справа готовый взорваться приступом безудержного смеха устроился Виктор.

На полу перед троицей исследователей на коме земли слегка покачивался большой кактус. Окруженный черепками, казалось, он сам выпрыгнул из горшка, силясь выбраться на свободу.

– Что здесь у вас творится? – Анатолий Константинович удивленно посмотрел на покачивающееся растение. – За что же вы его так?!

– Это не мы, он сам! Не выдержал нашего общества, вот и решил...

– Нет, правда, Константиныч, мы втроем в соседней комнате были. Камеры проверяли. Слышим звук удара, бросились сюда, а тут такое... – перебил Виктора Саша.

– Уже! Вот оно, началось! – притворно закатил глаза Виктор. – Кактус осознал всю опасность, что таится в нашей задумке и решил покончить жизнь самоубийством. Понял он, что может последовать, если суешь свой нос в дела...

– Да ну тебя, не паясничай! У тебя одни шуточки на уме, повзрослел бы уже. Но все равно ничего не понятно. Странно как-то. Я уже все осмотрел. Игорь, отойди, – Саша подпрыгнул и сел на подоконник. Толстая доска даже не шелохнулась. – Никакой, сколько-нибудь уважительной причины для того чтобы он упал в принципе нет. Смотрите, цветок стоял вот на этом месте, вмятина видна в толстом слое краски. Наверняка не один год так простоял. На мой взгляд, это самое устойчивое положение – точно посередине доски. И еще, – он спрыгнул на пол, присел у кактуса, взялся рукой за ком из земли и продолговатых гранул керамзита, скрепленных между собой длинными корнями растения, приподнял, – ничего странного не замечаете?

– Кактус цел, более того, даже ком земли не рассыпался. Кроме того, на полу грунта, как такового практически нет, одни черепки... – пожал плечами Игорь.

– Вот и я о том же! Высота подоконника – примерно метр двадцать. Вес кактуса с землей и горшком килограмм двадцать наберется, никак не меньше, если не все тридцать. Да не будь я кандидатом наук, если он не должен был развалиться на части! Но он цел... еще и звук был, слышали, скрипящий что ли...

– Но горшок-то разбился... – Виктор изо всех сил старался выглядеть серьезным.

– Вижу. Вообще, такое ощущение, будто кто-то поднял горшок, опустил ниже и вместе с его содержимым уронил, ровненько так, вертикально. Глупость? Да, согласен...

– Подытожим. Я проводил Наталью, далее пошел на кухню. Вас также в комнате не было. Полтергейст! Ладно, давайте пока запомним, как два в уме. После уже разбираться будем.

– Запомним это хорошо. Я вот о чем – надо бы кактусу новый горшок подыскать. Заодно и землю сменить, – Саша вытер руки о штаны. – Надеюсь, здесь поблизости магазин какой-нибудь найдется или хотя бы базар?

– Есть такой. Причем неподалеку. Сейчас налево, два квартала прямо. Там тебе и базар, и магазины. Кстати, в витрине одного из них я подходящую посудину видел, собирайся, я провожу, – Виктор с готовностью потер руки. – А вообще я вот что вам скажу – кактус наш, он специально свалился. Исключительно для того, чтобы ему новый горшок купили. Давно он собирался переехать да все не получалось. Тут Сашка подвернулся, вот он в нем и разглядел человека, которым можно манипулировать...

– Давайте вдвоем, – Анатолий Константинович отмахнулся от улыбчивой серьезности своего ученика. – В любом случае, что квартиру в целом, что кактус в частности, надо будет возвращать хозяевам. Идите!

– Константиныч, может, я тоже прогуляюсь? – оживился Игорь. – Все равно особо делать нечего. Мы ведь раньше приехали.

– Согласен. Давайте, я же пока дневником займусь...

Громко лязгнула, закрываясь, дверь. Некоторое время слышался топот ног квартирантов спускающихся по лестнице. Он становился тише, глуше, а скоро и вовсе затих.

Как только все разошлись, Анатолий Константинович присел на стул, поднял крышку ноутбука. Взялся за мышку и тут-таки оттолкнул ее.

– Нет, не годится! Дневник – дело серьезное, начало работы обкурить надобно...

Медленно, словно преодолевая немыслимое сопротивление, он побрел на кухню. Достал сигарету, закурил. Подошел к окну, выглянул во двор. С той стороны стекла тремя этажами ниже трое хорошо знакомых ему мужчин эмоционально разговаривали с колоритным персонажем – местным дворником. Тот что-то говорил, энергично размахивал руками, метлой, кивал подбородком, показывая то в одну сторону, то в другую.

– Вот баламуты, еще заблудятся чего доброго!

Внизу, похоже на то, договорились. Дворник что-то еще кричал вдогонку, но трое его собеседников уже приближались к выходу со двора. У угла дома они остановились, дружно обернулись. Внимательно посмотрели на дворника, который пытался что-то показать, пользуясь метлой, как указкой. Переглянулись. Виктор махнул рукой, и все трое скрылись за поворотом.

Глава 2

Закончилось уличное представление, разошлись его участники, догорела сигарета. Анатолий Константинович потушил окурочек в импровизированной пепельнице – растрескавшемся блюде с нарисованной на доньшке ярко-красной розой. Резко отодвинул его от себя и решительным шагом направился в комнату с ноутбуком. На пороге кухни остановился, постоял, посомневался. Вернулся. Взял со стола внушительных размеров банку с кофе, насыпал в свою любимую чашку большую ложку растворимого порошка, щелкнул выключателем чайника...

– Сердце, прости...

28 июня 2013 года

Анатолий Константинович

– Так гораздо лучше. Все ушли и это правильно. Ребята развеются, не все же в душной квартире сидеть, им отдых, а мне все условия выговориться. Спокойно, не торопясь. Надо записать все то, о чем думаю, без спешки, без всевозможных «умных» замечаний со стороны некоторых особо несерьезных членов экспедиции...

Итак, начнем! Экспедиция «Цветок папоротника», день первый, двадцать восьмое июня две тысячи тринадцатого года.

Мы исследовательская группа в составе: руководитель – доктор исторических наук Говоров Анатолий Константинович, участники экспедиции: биолог, кандидат наук Алькор Александр Юрьевич; физик, старший научный сотрудник Федотов Игорь Сергеевич; студент-практикант Ефимов Виктор Павлович и, конечно же, очаровательный социолог Волникова Наталья Владимировна. Цель нашей экспедиции заключается в том, чтобы подтвердить или опровергнуть факт существования цветка папоротника.

Да именно так, ни больше, ни меньше, мы попытаемся найти цветок растения, цветущего по приданиям единожды в году, в ночь на Ивана Купала, – начальник экспедиции минуту с вызовом смотрел в темный зрачок камеры, смотрел, будто ждал с той его стороны, если не возражений, то хотя бы легкой насмешки. Конечно же, ничего подобного не последовало, это ведь просто камера, тогда он кинул, широко улыбнулся. – Тем не менее, все так, правильно вы расслышали, цветок, мы ищем именно цветок! Нет, не надо мне лишний раз напоминать о том, что растения семейства папоротниковых размножаются спорами, это я и сам прекрасно знаю. Но я ведь не говорю о том, что мы планируем отыскать этот волшебный артефакт, с целью опылить его, к примеру, дожидаться семян, высадить папоротниковую рощу. Вовсе нет! Мы ищем не цветок в привычном значении этого слова. Мы ищем суть, ищем подоплеку легенды, хотим найти ту кроху истины, которая неминуемо присутствует в каждой сказке!

Почему ночь на Ивана Купала? Почему нас заинтересовал именно папоротник? Есть на то причины, их сразу несколько...

Купала! Возьмем, к примеру, народную мудрость, фольклор, древние сказания. С каким явлением, с каким днем связано больше непонятого, непознанного, мистичного? Конечно же, со светлым праздником Ивана Купала! Так и только так! Какая ночь может соперничать в борьбе с купальской за право называться самой волшебной ночью в году! Нет таких. Нет, и точка! Да разве может быть иначе! Больше мистицизма, нежели в ночи на Ивана Купала, не отыскать, а где Купала, там и цветущий папоротник!

Непростое это растение. Не зря именно папоротник будоражил умы наших предков, неспроста именно цветок этого не цветущего растения старались отыскать во тьме мистичной ночи. Почему-то выбрали именно его. Не иначе как потому, что древний он волшебный папоротник. Еще бы, ведь его прародители появились на нашей планете целых четыреста миллионов лет тому назад! Вот так вот! Помнят они и расцвет мира динозавров, и его закат, видели

они появление и становление млекопитающих, первых людей, первые цивилизации. Много всего хранит их память, много о чем они могли бы рассказать...

По-моему несет меня куда-то не туда. Неважно. Словом, я просто-таки уверен – сказочные свойства, коими далекие наши предки наградили столь древнее растение, даны ему неспроста. А еще уверен, что празднество в честь Ивана Купала со всеми сопутствующими ему обрядами также далеко не случайно. За всем этим что-то кроется, что-то важное, неизвестное доселе. Именно это мы и хотим понять, именно в этом и надеемся разобраться.

Разве это не повод отправиться в экспедицию? Уверен – да! Только это еще не все. Слова, теории лишены смысла, нелогичные выводы, отстраненные идеи, это все хорошо, но есть и другая причина. Особая причина, личная можно так сказать. Серьезная это причина. Уважительная. Предугадывая вопросы и возгласы недоверия, говорю сразу, я не жду, что вы мне поверите, да я бы и сам не поверил, но однажды я его уже видел! Цветок! Именно так, видел своими глазами! И было это не где-то там, непонятно где, а здесь, в окрестностях этого симпатичного городка.

Не верите? Честно говоря, меня тоже иногда сомнения одолевают, ведь было это... да что же там такое!

– А вот и не надо кричать! Это я должен возмущаться. Надо же, сколько лет на свете живу, а подобного не видел! Понаехали тут, «столичные», сень им подавай, да еще и срочно! Не терпится, видите ли, подождать до понедельника мочи нет?

Высокий парень метра под два ростом, облаченный в легкий камуфляж, обладатель широких плеч, на одном из которых покачивался моток светло-серого кабеля, мрачным взглядом смерил Анатолия Константиновича. Тот запнулся на полуслове и лишь растерянно смотрел то на незнакомца, то на провод, то на сумку весьма внушительных размеров, лежащую у его ног. Смотрел и все не мог понять, кто этот странный посетитель и чего он от него хочет.

Не дождавшись ни ответа, ни приглашения, высокий камуфлированный гость легко отодвинул Анатолия Константиновича в сторону, вошел в квартиру, внимательно осмотрел стены, потолок, пошевелил губами, будто что-то подсчитывал, повернулся к двери:

– Ну и что, так и будем стоять?

– Так я же это...

– Какое там «это»! Времени нет! Главное, сами торопили, а теперь «это». Показывайте, куда кабель тянуть.

– Подождите, так вы по вопросу интернета?

Тот ничего не ответил, только красноречиво развел руками.

– Как же это я сразу не догадался! Смотрите, нам нужно вон туда, – Анатолий Константинович махнул рукой в сторону дальней комнаты, той, что со шкафом и ноутбуком.

Монтер прошелся по коридору, кивая головой в такт шагам, заглянул в гостиную, мысленно провел кабель до двери, покачал головой, заметно помрачнел:

– Ого! Так это же что получается, как ни крути, а две, нет, даже три стены сверлить придется! В пятницу, под конец рабочей недели. Даже и не знаю... – он несколько секунд буравил взглядом временного обитателя квартиры, затем скороговоркой выпалил: – А что если сделать так – я сверлю, прокладываю, все как полагается. Подключаю, как должно быть, вы платите по тарифу, только в наряде я запишу, что стена была одна, а кабеля израсходовано, три метра, можно, а?

Последние слова прозвучали так плаксиво и так трогательно, что Анатолий Константинович, не удержавшись, громко рассмеялся.

– Именно так и сделаем. Более того, не лишним будет немного доплатить, за срочность, да и за прочие неудобства. Что скажете?

Минутой позже победитовый наконечник сверла, плавно сбавляя обороты, вертелся внутри квартиры, в углу, чуть повыше входной двери. Сверло быстро исчезло, а в образовавшееся отверстие серой змейкой начал заползать кабель. Он изгибался, изо всех сил стараясь уподобиться змее, но неумолимое земное притяжение заставляло его опускаться, укладываться в аккуратные кольца на полу квартиры.

– Вы уж не сердитесь, что я так начал... громко. Сами посудите, пятница, только о том и думаешь, что о грядущих выходных, а тут такое! Нет, теоретически, мы работаем и вовсе круглосуточно, но с нашей зарплатой... – монтер пожал плечами. – Хотя да, у вас у людей науки не многим лучше. Да и вообще сложилось все так... неправильно, несвоевременно. Плюс ко всему, вы позвонили напрямую директору. Нет, чтобы в абонентский отдел! Меня шеф вызвал, а визит к начальству, сами понимаете и опять-таки пятница...

– Но мы никуда не звонили! – искренне удивился Анатолий Константинович.

– Как не звонили? – встрепенулся монтер. Он сунул руку в бездонный карман брюк, извлек сложенную пополам бумагу. – Подождите, в этом надо разобраться! Это улица Гоголя, дом тринадцать, квартира тринадцать?

– Точно так! Два по тринадцать, да еще и на улице Гоголя, плюс к этому тринадцатый год, о большем нечего и мечтать...

– Вот! – перебил ничуть не интересную ему тираду ученого монтер. – Зачем же вы меня пугаете! Так недолго и разрыв сердца получить. Все правильно, все сходится, у меня синей пастой по белой бумаге написано – интернет, срочно.

– Понятно, скорее всего, это хозяйка постаралась. Мы заранее оговаривали наличие интернета, вот она и подсуежилась...

– Тогда опять, не «слава богу»! Ситуация ничуть не прояснилась. Если дело обстоит так, как вы говорите, то кто оплачивать подключение будет?

– Ну, касаясь оплаты, проблем точно не будет. За подключение, как и за все остальное, плачу я.

– Ага, куда вы говорили провод тянуть? – заметно оживился паренек и с удвоенным рвением взялся за перфоратор.

Скоро к импровизированному кабинету подполз кабель. Легкое движение руки и на нем заблестел новенький прозрачный наконечник. Сопровождаемый тихим щелчком он вошел в надлежащее ему гнездо.

Еще минуту монтер колдовал над клавиатурой, после достал блокнот, записал в нем несколько рядов цифр, вырвал листик и протянул Анатолию Константиновичу.

– Вот, собственно, и все. Я записал настройки подключения, мало ли что, все может случиться. Скорее всего, они вам не понадобятся, но так, на всякий случай. А случаи, они, как известно, разные бывают. И еще, позвольте, – он забрал листик, перевернул его и размашисто написал: «Макс, связь, интернет, программное обеспечение и многое другое» ниже дописал номер телефона. – Это тоже на всякий случай...

В обмен на листик с цифрами Анатолий Константинович извлек из кармана крупную купюру и передал ее мастеру, тот искренне улыбнулся.

– Спасибо! А знаете, мне даже жаль, что вы ненадолго! Но, это не мое дело, да и просто мне пора. До свиданья, а то и до встречи!

«Не думаю, чтобы мы встретились, но всякое бывает. Как верно заметил паренек – случаи, они разные... случаются...» – подумал Анатолий Константинович, закрывая дверь.

Глава 3

Маленькая симпатичная просто-таки игрушечная ярко-красного цвета машина медленно карабкалась под гору. Дорожный протектор шин не рассчитанный на езду в условиях близких к бездорожью неуверенно цеплялся о еле заметную среди густой травы колею. Буксовали колеса, скользили на все еще не высохшей после вчерашнего дождика глинистой почве. Грязь липла к покрышкам, набивалась в узкое пространство под крыльями, из-за чего резина противно скрипела и уныло до безысходности посвистывала.

Еще некоторое время колесам удавалось кое-как подталкивать автомобиль вперед. Поднимался он под гору, нехотя, через силу, но вот движение, скорость которого все замедлялась, прекратилось. Секундой позже машина, несмотря на то, что спрятанный под капотом двигатель все надрывнее гудел, а колеса продолжали вращаться, шлифуя глину, начала сползать вниз.

– Наташа, остановитесь, будьте так любезны, мы с ребятами выйдем, пешком прогуляемся. Не стоит вам из-за нас машину гробить, – Анатолий Константинович открыл дверь и соскочил на медленно движущуюся в обратную сторону поверхность земли. Примеру начальника экспедиции последовали Саша с Игорем.

Избавившись от пассажиров, автомобиль заметно повеселел, приподнялся, будто вдохнул полной грудью. Двигатель издал довольный урчащий звук и уже практически без усилий вытащил машину на вершину холма. Колеса бойко взвизгнули, проскальзывая о влажную траву, повернулись, замерли. Стих двигатель лишь еле слышно продолжал гудеть вентилятор, охлаждая разогретые внутренности мотора.

Наталья потянулась, оглянулась на мужчин, поднимающихся следом, повернула к себе зеркало заднего вида, кокетливо подмигнула своему отражению, вышла, аккуратно захлопнула дверь. Пройдя несколько шагов навстречу неспешно приближающимся ученым.

– Ничего не поделаешь, я покупала машину в расчете на езду по городу, а вовсе не для того, чтобы карабкаться в горы, – девушка виновато пожала плечам.

– Ну, это еще не горы, – тяжело дыша, ответил Анатолий Константинович, – но стоит признать, кручи у вас... живописные. Это, насколько я понял, то место, которое у вас называют Медвежьей поляной?

– Она самая, правда, название изрядно подзабытое. Как правило, ее вообще никак не называют. Говорят, идем на холм только и всего. Вне всяких сомнений, это самое любимое место для любителей выезда «на шашлыки», но это вы и сами видите, – Наташа обвела рукой полянку, указывая на разбросанные повсюду бутылки, пакеты, полуразложившуюся бумагу и прочие очевидные отходы «шашлычного» уикенда.

Беспорядок просто-таки на лицо, но при всем своем желании и умении человек не смог испортить поднятую на несколько десятков метров над уровнем окрестных полей плоскую вершину холма. Блестящие на солнце бутылки, шуршащий полиэтилен, колышущиеся от ветра, размокшие и высохшие обрывки газет, не могли скрыть естественную красоту, окруженной кустарником полянки, удивительную и прекрасную, как все творения природы. Радовала глаз она, будоражила воображение.

Наверняка мало кто, взобравшись на вершину нависающего над рекой холма, не задумывался о прелести полета. Мало кто не мечтал расправить крылья и взмыть ввысь, туда, где вовсю резвились ласточки. Подняться вверх на пару сотен метров и уже сверху, паря среди небесной синевы, посмотреть на зеленые поля, на петляющую среди них реку, на холм обрывающийся утесом у реки, на живописную полянку на его вершине, обрамленную ровным строем, будто специально высаженного кустарника.

Оттуда, сверху, полянка выглядела бы треугольником. Большим равносторонним зеленым треугольником. Его грани подчеркивал темный в сравнении с цветом травы окрас листьев

терна и боярышника, взявших на себя труд разграничивать вершину и склоны, а заодно куда более сложную задачу – удерживать корнями обрывистые скаты, не давая им обрушиться, поддавшись дождям и времени, следить за идеальной формой правильного треугольника.

Густой ковер трав, равномерно покрывающий поляну, редел, приближаясь к обращенному к реке углу треугольной поляны. Там, сквозь травяной покров, просматривался камень. Нет, не один, множество камней, ровных, гладких, наверняка обработанных умелыми руками, лежали они вдавленные в глину, будто кто-то, когда-то пытался что-то построить в столь неподходящем для строительства месте...

– А эта каменистая оконечность – утес, конечно же, Медвежий. Легенду я вам рассказывала... – Наталья остановилась на краю обрыва и с опаской посмотрела вниз.

– Конечно, занимательная история! Медведи, оборотни, – Анатолий Константинович остановился рядом с девушкой, опустил взгляд вниз. – Более того, я вижу основание вашей легенды. Можно сказать, гранитное основание. Просто у воды, видите?

Внизу, там, где волны плескались, пытаюсь вымыть как можно больше глины из берега и унести ее как можно дальше, лежал массивный валун. Рядом с ним чуть в стороне и частично под водой, камень поменьше. Достаточно лишь чуточку ослабить оковы, сдерживающие безудержную фантазию, и больший камень станет туловищем гигантского медведя, меньший его головой, а если еще немного постараться, неминуемо найдутся дополняющие картину каменные руки, а с ними и ноги...

30 июня 2013 года

Наталья

– Могу честно сказать, я отнеслась к полученному заданию со всей возможной ответственностью. Добросовестно пересмотрела все свои записи, наброски той давней статьи. Правда, единственное, что мне удалось отыскать в своем «архиве» – одна старая легенда. Не думаю, что она нам поможет, но ведь всякое случается!

Эту легенду, а то и вовсе сказку мне Клавдия Ивановна рассказала, старейшая жительница нашего городка в прошлом учитель истории. Рассказывала, будто жил в окрестностях нашего города (он тогда еще и городом не был, так село на берегу речушки) волшебник. Говорила, дом у него был на холме, именно на том, вершиной которого является полянка Медвежья. Можно даже предположить, что камни на ее краю на утесе это и есть то, что осталось от его домика, но это исключительно мое предположение...

Волшебником добрым он слыл, кроме того, оборотнем был. Правда, не таким, который в волка превращается, этот несколько другой породы был, куда более редкой. В полнолуния, точнее не в простые полнолуния, а исключительно в такие, которые сопровождались лунными затмениями, превращался он в огромного медведя. После, обретя медвежий облик, становился сам не свой. Словно с потемнением лунного диска затемнялся и его рассудок. Будто брал верх над разумом человека дух звериный и ничего с собой поделать тот уже не мог. До той поры, пока земная тень не сойдет с лика лунного, подчинен он был натуре звериной.

Всю его долгую жизнь так продолжалось, ничего изменить он не мог, потому давно смирился. Научился он заранее предчувствовать приближение страшной поры и каждый раз успевал принять меры. Для этой цели в своем доме, точнее под ним, вырыл он погреб глубокий. И лишь приближалась ночь затмения, он спускался на самое дно и, неизвестно как, но приковывал себя цепями прочными.

Тень скрывала лунный диск, зверь высвобождался, выходил на волю, но навредить никому не мог. Зверь-то, тем и отличается от человека, что человек наделен интеллектом, а медведь – одна грубая сила! Как ни старалась звериная сущность завладевшая телом волшебника вырваться на свободу, тот только силы расходовал, да ранил самого себя.

Так он и жил от затмения до затмения, ничто не предвещало беды, но все плохое рано или поздно случается. Вот в один из дней возвращался волшебник домой. Спешил он, понимая, что немногим более часа остается до страшной поры, до того момента, когда лунный диск поглотит земная тень. Желая сократить путь, побежал он через лес по тропинке, виляющей в глубине оврага. Лишь забежал под сень вековых деревьев, как услышал голос. Тихий такой, изможденный. Не мог он пройти мимо, не мог бросить человека в беде. Остановился, огляделся – голос доносился из густых зарослей шиповника, разросшегося в одном из множества закоулочков оврага, в изобилии созданных природой.

Пробрался сквозь кусты, увидел плачущую девочку. Упала она со склона, исцарапалась вся, ногу подвернула, не могла идти самостоятельно. Ему бы позвать кого, да спешить домой, но нет, поднял он девочку на руки и со всех ног побежал в деревню. Добежал до крайней хаты, посадил девочку на лавку у ворот. Бросился обратно, к себе на утес, но не успел и нескольких шагов ступить, как почувствовал, понял, что меняется. Говорили, окликнул его кто-то, поблагодарить хотел, но зверь уже набирал силу во все еще человеческом облики.

Несмотря на отчаянное сопротивление человека, медведь ударил прохожего, да с такой силой, что тот умер, еще не коснувшись земли. Сельчане, которые и ранее держались стороной подозрительного нелюдима, выскочили на улицу, кто с чем, кто с палицей, кто с вилами. Мог бы волшебник, выпустив наружу свою вторую, медвежью, сущность расправиться со всем селом, но он, из последних сил сдерживая зверя, бросился бежать.

Понимал волшебник, что нет у него времени обезопасить людей, не успеет он приковать себя, потому миновав свое жилище, взбежал он на утес, и бросился вниз, просто на острые камни. После его так и нашли внизу наполовину человека, наполовину медведя.

Наверное, не стоит говорить о том, что случилось это, в самую что ни на есть, купальскую ночь...

Да, такая вот сказка. Кто знает, может в ней отыщется, пусть небольшое, рациональное зерно. Тогда из сказки эта история перерастет в легенду. Взяв ее за основу, можно будет предположить, что именно потому многое в окрестностях городка Медвежий называют. Вот овраг Медвежий, тот, в котором он девочку нашел, холм с полянкой тоже Медвежий, тот на котором когда-то волшебник жил, утес само собой тоже.

Помню, Клавдия Ивановна говорила, что на холме и сейчас, если прокопать верхний слой почвы, можно отрыть погреб, тот, в котором добрый волшебник переживал затмения. Можно отыскать цепи тяжелые...

– Скорее всего, вы правы! Конечно, все просто, все понятно. Можно еще предположить, что раньше уровень воды был ниже, тогда могли быть видны еще несколько камней, довершающих композицию. Вот какой-то древний мечтатель и разглядел в камнях картину, – Наталья улыбнулась. – Но все-таки здесь среди этой красоты место легенде. С ней лучше, правильнее с ней!

– Трудно поспорить, а вы, коллеги, чего умолкли? Ау! Игорь!

Они обернулись. Позади, у самого спуска, рядом с кустом боярышника стоял Саша, стоял, размеренно покачиваясь, внимательно рассматривал какой-то зеленый листик. Он был настолько поглощен своим занятием, что ничего более не замечал. Посреди поляны застыл Игорь. Тот со странной отрешенностью во взгляде смотрел ввысь. Смотрел на восток, туда, где среди небесной синевы медленно формировалось удивительно-белое облако. Восходящие потоки воздуха подносили все больше и больше пара, оно поднималось, росло, становилось выше, становилось больше. Подобно строящейся башне высилось оно над зеленью равнин...

Строилась облачная башня, менялась она. Легкий ветерок в соавторстве с теплым воздухом, будто два талантливых архитектора трудились над ее совершенствованием. Вот тонкий штрих, не иначе как работа ветра – облачная башня несколько раздалась в нижней части.

Самую малость сузилась в центре. Поверхность, белая, туманная, перестала быть облаком, ватым, гладким. Обрела она фактуру, покрылась мелкой еле заметной сеточкой, пересекающимися прямыми линиями, будто сквозь туманные хлопья проступила рельефная поверхность стены, сложенной из природного камня. К ветру подключился и стремящийся ввысь поток теплого воздуха. Помощник мастера, он понимает работу ветра, он знает, что тому нужно, он занимается верхушкой облачного сооружения. Хватает облачко, маленькое, проплывающее мимо облачко, сжимает чуточку по высоте и вот оно водружается на вершину практически готового туманного строения. Мгновение и на вершине шедевра облачной архитектуры один за другим вырастают острые зубцы. Секунда и они, туманные, размытые, обретают форму, становятся лепестками геральдических лилий – символом рыцарских времен. Чуть движутся они, подталкиваемые ветром, шевелятся, будто живые, покачиваются, будто распускающийся цветок. Последний штрих, венцом творенья, довершением совершенства над центром парящего в небе оборонительного сооружения взлетела струйка пара, дополнила башню последней деталью – флагштоком. Наверняка еще немного и на нем взмоет, развиваясь, стяг...

– Просто ладья! Хоть садись и в шахматы играй, – Игорь отвернулся от облака и встретился с удивленно-насмешливым взглядом подошедшего ближе Анатолия Константиновича. Несколько раз мигнул глазами, растерянно пожал плечами. – А что я! Я ничего! Скучно, вот потому и засмотрелся, делать-то больше нечего. Хотя да, не спорю, здесь красиво и вообще надо чаще на природу выбираться...

30 июня 2013 года

Игорь

– После того как я добросовестно прогулял вчерашний день никак не могу настроиться! Хотя, если быть честным до конца, то и позавчерашний день тоже. Прогулял в смысле. Мы прогуляли. Нет, это не в том смысле, что «прогуляли», а именно прогуляли! В хорошем смысле этого слова, если таковой существует...

Да, ситуация такова, что, как ни размышляй, о чем ни думай, но после длительного бездействия у меня просто-таки двойственное чувство. Практически раздвоение личности! С одной стороны, очень хочется работать. Просто усидеть не могу на месте! А вот с другой – ни малейшего желания!

Правда, так и есть! Я и сам себя особо не понимаю (наверняка виной тому вчерашнее пиво!), но так охота обложиться приборами, заняться делом, провести замеры, нанести все на карту. Увидеть, воочию увидеть, результаты своего труда. И при этом ничего делать не хочется, вообще ничего...

Начинаю понимать – это все прогулка, да, сегодняшняя прогулка! Именно она, и именно прогулка, как иначе сие мероприятие можно назвать? Это и не разведка, и не вылазка. Так, прогулялись, лишь бы дома не сидеть! Прогулялся и я, облаками полюбовался. Оттого отсутствующее настроение и видимость нежелания работать. Да, именно видимость! Я ведь хочу, я очень хочу! Только хочу делать то, что приносит плоды, то, результаты чего можно увидеть! Вот чего мне не хватает...

И куда это меня понесло! Нет, точно я на облака насмотрелся. Еще и природа местная сказывается. Небо, деревья, прогулка, апатия, все это собранное вместе на меня влияет далеко не лучшим образом. Не идет мне такая комбинация на пользу. Фантазия берет верх над логикой и устремляется куда-то...

Думаю, надо бы что-то умное сказать, что-то чтоб по делу. Дневник все-таки научной экспедиции. Ладно, сейчас чего-нибудь придумаю этакого заумного...

Да, пока я бездельничаю. Радует, что недолго осталось. Все-таки хочу я работать! Сегодня, увы, нет, но уже завтра с раннего утра работа начнется. Обещают магнитометр привести, вот тогда я, да в поля, да с приборами, да с радостью!

Значит, план примерно таков: первым делом измеряем напряженность магнитного поля, наносим результаты наблюдений на карту (картой Константиныч меня снабдил, где только взял такую подробную, не иначе как у военных!), после замеряем радиационный фон, так, для полноты картины, сопоставляем данные с ландшафтом, учитывая перепад высот...

Спросите, что я собираюсь намерить? Не отвечу. Честно! Вот вы спросите, а я лишь улыбнусь, настолько глупо, насколько это только возможно, да плечами пожму. Нет, все честно, не пытаюсь я ничего утаить, нет никакого обмана – я даже и не представляю, что хочу получить в результате всевозможных измерений.

Тогда еще спросите, а зачем, мол, тебе что-то там измерять, если совершенно неважно, что в результате получится? Ну, это не совсем так. Все дело в том, что интересующая нас территория, если верить карте, а теперь и собственным глазам, очень даже обширна. Мы физически не сможем контролировать все, что там происходит. Пусть даже нас будет не пятеро, а человек, скажем, сто, и с нами камер – штук... не знаю сколько. Вот для этого и нужны измерения, надеюсь, можно будет вычислить те места, где показатели наших приборов будут отличными от общего фона. Тут даже и не важно, какие именно показатели, каких именно приборов. Тут бы хоть что-нибудь...

А вообще, прелесть всего происходящего в том, что никто ничего подобного до нас не делал. Так сказать, нет наработанных методик, признанных авторитетов тоже нет. Никто нам не скажет, как правильно искать цветок, как его окружать, заманивать... тьфу, не иначе как от Витьки заразился!

В общем, я планирую выполнить распоряжение Анатолия Константиновича на все сто процентов, а именно провести полное исследование территории. Самое полное. Я так понимаю, тут надо задействовать все, что имеется в нашем распоряжении. А потом буду разбираться, что за результаты мы получили, нужны они нам или нет. Примерно так.

Получается, нам нужна геомагнитная карта. Радиацию меряем, сомневаюсь, что где-то «затрещит», но все возможно, да и не зря я счетчик Гейгера с собой тащил! Это еще не все, у нас с десятков сейсмических датчиков имеется, нет, спрогнозировать землетрясение я не планирую, просто они столь чувствительны, что человеческие шаги могут засечь за сотню метров, а могут и не человеческие. Еще парочку метеостанций надо будет установить, точки на месте выберем, простые температурные датчики надо грамотно расположить. Еще пробы грунта возьму на самых интересных участках, но это на дальнюю перспективу. Все-таки без лаборатории я ничего с ними не сделаю. Ну и камеры. Обязательно все более или менее подозрительные участки перекрываем камерами. Они у нас дневные, ночные, несколько штук и вовсе в ультрафиолетовом диапазоне отлично видят. Словом, полезная вещь, можно будет контролировать все происходящее, буквально не вставая со стула.

Конечно, чуть не забыл, пожалуй, главное – необходимо дерево на роль мачты выбрать, связь наладить. Простенькую сеть организовать «точка-точка». Без нее никакого удобства не будет. Сомневаюсь, что все так сразу заработает, расстояние приличное, скорее всего, придется усилители ставить...

Ну и ладно. Прорвемся!

Вот озвучил планы и та часть меня, которой работать не хотелось, растворилась, будто и не было ее. Все, я хочу в поля! Выпустите меня! Хи-хи...

Игорь еще раз пожал плечами. Медленно мигнул глазами, посмотрел на Анатолия Константиновича, на Наталью, улыбнулся рассеянной улыбкой. Снова поднял глаза на небо, рассчитывая в последний раз полюбоваться так понравившейся ему облачной башней. Взглянул в одну сторону, в другую, заметно помрачнел. Еще недавно притягивающее взор небесное сооружение исчезло. Расплылось оно по небосводу, превратившись из шедевра облачной архитектуры в самую заурядную ничем непримечательную белую с сероватым основанием тучку.

– Войска развернули осадные орудия, грянул залп, один, за ним второй и от неприступной белоснежной башни осталась лишь груда белоснежных обломков. Печально... – Игорь отвернулся от облака, грустным взглядом обвел полянку и удивленно воскликнул: – Санька, ты как туда забрался?!

На краю поляны, в месте, откуда начинала свой бег ведущая вниз колея, в окружении насыщенно-зеленых своих собратьев расположились два совершенно сухих куста терновника. Лишенные листы их колючие веточки живописно переплелись, образовав ажурную решетку, достойную молота мастера-кузнеца. Сухие веточки эффектно обыгрывали доступное им пространство, создавали надежную прозрачную конструкцию, сетку, что позволяла разглядеть то, что происходило в зарослях, но не давала шанса забраться в колючие дебри ни человеку, ни более или менее крупному животному. Непроходимые заросли, но...

Внутри ажурной конструкции, природной клетки, щедро украшенной острыми шипами, за ветвями и колючками удивленный и обескураженный мигал глазами Саша. Его растерянный вид вкупе с неспешно покачивающимися ветвями удивительного творения живой природы не мог не заставить присутствующих искренне рассмеяться.

– Просто красна девица в темнице. Хотя кино снимай. Какая натура, какие декорации! – Анатолий Константинович восторженно осмотрел прутья терновой решетки, обломал ближайший острый шип и тут-таки уколол палец. – Колючая! Так как ты говоришь, туда забрался?

Вместо ответа Саша улыбнулся еще более глупо и энергично пожал плечами. Попытался даже развести руками, но острые шипы тут-таки вонзились в кожу. Похоже, узник терновой клетки этого и не почувствовал...

Громко захлопали крылья. Все вздрогнули и дружно обернулись. Виновником шума оказался Игорь. Рассчитывая лучше рассмотреть место Сашиного заточения, он подошел к кустам на противоположной стороне колеи и потревожил одного из пернатых обитателей кустарника.

– Чего вы испугались! Это всего лишь перепел, – звонко засмеялся Саша. Он тут же затих и удивленно огляделся. – Слушайте, а где это я?

Он медленно повернул голову, острие шипа не упустило возможности вонзиться ему в ухо.

– Больно! – он дернулся, другой шип уткнулся в плечо. – Товарищи! Друзья! По-моему, спасать меня надо...

– Не дергайся, не то уколов получишь на всю оставшуюся жизнь! – ничуть не смешно пошутил Игорь и потянул на себя две ближайшие ветки. – Константиныч, помогайте, давайте вызволять из плена этого, эту... жертву природы...

Несколько минут спустя исколотый, исцарапанный, но невероятно счастливый Саша клеил листья подорожника на свежие ранки. Не только на свои. В борьбе за товарища досталось всем. Меньше всего пострадала Наталья, но и она прижимала маленький овальный листик к запястью.

– Это все, конечно, здорово. Но лично меня интересует один только вопрос – как ты туда забрался? Нет, серьезно! Отстань, заживет само, – Анатолий Константинович решительно отверг помощь биолога. Он присел у куста, внимательно посмотрел на слегка влажную почву, поправил рукой примятую траву. – Серьезно, как ты там оказался?! Вижу – натоптано. Следы, безусловно, твои, только они с нашей стороны. Вот один очень интересный отпечаток, похоже ты на цыпчочках стоял, не иначе как высматривал что-то. Вижу еще один точно такой же, но уже там. Нет, ну не прыгнул же ты, сквозь терны, так сказать... вспоминай, Саня!

– Да ну тебя, Константиныч! Что вспоминать, о чем вспоминать? Увлёкся я, засмотрелся. Сам глаза открой, красота вокруг, неопиcуемая, нет, не так, красотыща! А богатство, да просто россыпи! Где? Да у вас под ногами, присядьте только, Игорек, а ты...

– Тоже мне богач нашелся, сорняки увидел и радуется, – отмахнулся от предложения испачкаться Игорь. – Травка как травка. Какая же это ценность?

– Сам ты сорняк! – беззлобно обиделся биолог. – Сюда посмотри, вот на это растение. Знаешь, как оно называется? Нет?! Иван-да-марья, вот-вот расцветет, самый, что ни на есть, купальский цветок! А вон целая полянка, да невзрачного, да неказистого, но столь целебного подорожника. Рядом с ним медяница, петров крест, купаленка, а вот этот росточек, я уверен, особо знаковое для местных жителей растение – медвежье ушко! Вы правы, Наташа, все вокруг медвежье, куда ни глянь. Что мы еще имеем? Крапива жгучая, но также лечебная, полынь, тоже неплохо...

– Купальский сбор все это называется, – равнодушно отметил Игорь, поймал удивленный взгляд товарища и так же равнодушно пожал плечами. – Да, извини, не такой я необразованный по части растений, как ты думал. Помню, бабушка много чего о травах на Ивана Купала рассказывала.

– Да, Игорек, не ожидал! И да ты прав, так оно и есть, стоит выйти утром, на Иванов день, до рассвета, пока еще солнце росы не испило, да нарвать трав, это целебный сбор на весь год! – Саша даже руки потер в предвкушении. – Вы как хотите, я же сразу после всего на рассвете сюда!

– Лично я ничуть не возражаю. Вот только если сам пойдешь, – серьезно заметил Анатолий Константинович, – будь так любезен, не лезь в терновник! Одному из этих зарослей не выбраться. И опять-таки не понимаю, ты ведь стоял с той стороны, улыбался, целый, невредимый, ни царапинки на тебе, ни ссадины! Как такое возможно...

– Это всего лишь чудо, – ответил на риторический вопрос Игорь. – Просто чудо. А пока оно не развеялось, да не приелось, превратившись в обыденность, предлагаю выдвигаться дальше. Какие, Наталья, вы говорили, еще красоты таит ваш благословенный край?

– Все перед вами, оглянитесь!

– Видим, а Медвежий овраг, он в какой стороне? – подключился Анатолий Константинович.

– Левее, да, вон вдалеке, темное продолговатое пятно, это и есть трещина в земной коре, освоенная деревьями. Собственно, это даже и не овраг, точнее не просто овраг, это лес, только в овраге. Наверное, правильнее будет сказать урочище, очень уж он выделяется среди окрестного ландшафта... – Наташа показала рукой в сторону вытянутого в длину темно-зеленого лоскута, дальний край которого подбирался к туманному горизонту. – Сейчас спустимся с холма, вернемся немного назад, свернем левее. Правда, дорога там не очень... заросло все наверняка...

– Ничего, ради достижения цели мы и пешком пройдемся. Надо будет сквозь заросли пробираться, проберемся, – Игорь потер руки и нетерпеливо ударил каблуком о землю.

– Нет, я не думаю, что все так плохо, во всяком случае, настолько близко, насколько это возможно, мы подъедем. Разве что последние метры придется прогуляться...

– Наташа надо ехать, – вмешался Саша, – причем уже сейчас. Смотрите, как Игорь нервничает, боюсь, он нам всю поляну вытопчет. Вон как копытом бьет, что конь боевой!

Спустившись с горки, автомобильчик весело подкатил к ближайшей грунтовой «развязке». Свернул левее и, весело покачиваясь на частых неровностях утрамбованной почвы, направился к конечной цели ученых-путешественников.

Скоро грунтовая дорога превратилась в еле различимую колею, следы, судя по протектору, оставленные трактором, еще немного и они слились в одну узкую виляющую из стороны в сторону тропинку. Впереди примерно в километре от автомобиля Наташи отчетливый показался край оврага и выглядывающие из его глубин верхушки деревьев.

Пожалуй, можно было доехать и самого склона, но Анатолий Константинович скомандовал:

– Остановитесь Наташа. Для начала достаточно! Дальше пешим ходом.

Впереди, выбравшаяся из-под капота машины, весело бежала тропинка. Сворачивала она, то правее, то левее, то устремлялась в сторону оврага, то, наоборот, удалялась от него.

Наверняка тот, кто первым здесь прошел меньше всего заботился о туристах, которые каким-то чудом забрели в столь дикие земли. Наверняка у него были свои канувшие в Лету вместе с именем его планы...

– Думаю, будет правильно, если вы нас в машине подождете, – выйдя из машины, сказал Саша.

– Да Наталья, действительно так будет лучше, – кивнул Анатолий Константинович. – Дорожка после дождя скользкая, да и ваши не очень туристические туфельки не лучшая обувь для прогулок среди лесной чащи. Подождите нас, мы недолго, только вниз спустимся, осмотримся и тут-таки обратно. Ничего предпринимать не будем, честное слово!

Он стойко выдержал ее взгляд и добавил:

– Честно-честно!

– Ладно, вынуждена согласиться, одета я не для лесной прогулки, – слегка натянуто рассмеялась девушка. – Уговорили, повинуюсь, буду ждать, только вы не задерживайтесь...

Трудноразличимая тропка нехотя приближала путешественников к оврагу. Несколько раз и без того практически невидимая она терялась в густой траве. Пропадала на десятки метров, затем снова находилась. Сама собой, будто играла в прятки с нечаянными гостями.

Да играла она, да шутила, но с каждым шагом склон оврага был ближе, его окаймленная кустарником граница виднелась яснее, отчетливее. Верхушки деревьев приближались, покачивались они, склонялись, поддаваясь легкому летнему ветерку, будто кланялись, а то и вовсе здоровались, радовались, приглашали путешественников в гости, заманивали вглубь своего чудесного и волшебного мирка.

Очередной вираж своенравной тропинки привел путников к краю оврага. самого склона не было видно, его скрывала плотная стена терновника, но было чувство, отчетливое чувство пустоты, там, впереди, всего в шаге...

– Невероятно! Да он же просто огромный! Нет, еще раньше с верхушки холма я это видел, понимал, но как-то издалека он выглядел игрушечным, ненастоящим, – с каждым мгновением приближающим цель похода настроение Саши скачкообразно росло. С ним росла и степень восхищения. Он уже не говорил, он буквально захлебывался...

Очень скоро он позабыл обо всем на свете. Обогнал коллег, пошел впереди, задавая темп всей компании. Не лучшим проводником оказался биолог, то срывался он с места, то резко останавливался, заметив какое-то особо интересное его растение.

Очередная остановка. На этот раз причиной послужило дерево. Высоченная сосна, чья куполообразная верхушка неимоверно живописно нависала над практически гладким ковром макушек ее соседей. Покачнулась она, будто заметила, что нею заинтересовались, чуточку склонила крону-голову. В тот же миг из хитросплетения веток вылетела большая птица. Зависла на мгновение, застыла над спугнувшей ее сосной и улетела, тяжело взмахивая огромными крыльями. Некоторое время она приближалась к путешественникам, но скоро раздумала, отвернула, взмыла ввысь и растворилась в бездонной синеве.

– Вот же я! Бинокль забыл. До чего обидно! – на мгновение расстроился Саша, но тут-таки его взгляд вновь засветился предвкушением новых радостных эмоций. – Неважно. Тут и без оптики красиво! И это, можно так сказать, вид сверху! Как представлю что там внизу, в тени деревьев! Как представлю, так дух захватывает! Не могу более терпеть, хочу увидеть, что прячется под кронами, в глубине, в царстве растений!

– Скоро насмотришься, – мрачно заметил Игорь, рассеянно глядя себе под ноги. Ему надоело наткаться на постоянно останавливающегося товарища, потому попытался того обойти. Правильная мысль, но направление обхода он выбрал не лучшее.

Почва под ногами изрядно упитанного физика сдвинулась. Он опасливо расставил руки, предчувствуя падение и, конечно же, не ошибся. Ком земли, куст терновника, а с ними и сам Игорь начали медленно сползать по склону. В последний момент он успел ухватить Сашу за

ногу. Мгновение тот держался, но сила притяжения вещь упрямая, а масса вещь серьезная – посунулся следом.

– Я так понимаю, это еще не начало спуска, – послышался голос начальника экспедиции, тот крепко схватил Сашу за руку и на удивление легко вытащил обоих. – Так что вы друзья мои поспешили.

– Ну, Константиныч! Вот спасибо! Я уже вычислять начал какую скорость буду иметь на подлете к дну оврага, вот только вычислить не удалось, глубина-то мне не известна... – задыхаясь, поблагодарил физик.

– Ага, не известна она ему! Значит вместо того, чтобы самому узнавать, ты хотел меня с собой утащить, – поддакнул Саша, – в бездну. Ладно, забыли, мы дальше идти собираемся?

– Идем, только смотрим под ноги, резко не останавливаемся и не очень энергично головами вертим, – согласился Анатолий Константинович. – Благо, идти недалеко я так полагаю, вон там у боярышника тропинка на склон переходит. Нам туда.

Игорь задержался на краю созданного ним провала, всмотрелся в зеленоватую полутьму внизу. Поднял камешек, бросил вниз. Несколько секунд слышался шелест потревоженной листвы и вот все стихло. Физик пожал плечами, представил себя на месте камня, поежился...

Тропинка разделилась на две. Одна убежала в поля, растворилась среди густой травы. Вторая вильнула последний раз и приблизилась к одиноко растущему боярышнику. Обогнула его, подкралась к относительно пологому склону, небольшому участку, не огражденному высаженной самой природой живой изгороди, устремилась вниз.

Памятуя первое знакомство с оврагом, Игорь и Анатолий Константинович спускались медленно, молча, внимательно смотрели себе под ноги. Следовать их примеру биолог и не пытался. Он смотрел куда угодно только не на дорожку, энергично вертел головой на все триста шестьдесят градусов и не переставал громко восхищаться. В принципе, это понятно, кто как не человек его профессии в состоянии оценить красоту творений природы, их великолепие. Кого еще так тронет атмосфера чудесного мирка спрятанного от людских глаз, восхитительного лесного оазиса притаившегося в глубокой расщелине.

С каждым шагом путешественников листва над их головами становилась гуще. Природным шатром нависала она над оврагом, скрывала происходящее в его глубине от любопытных глаз.

Деревья, те, которым природа даровала высокий рост, вытягивались, как могли, старались возвыситься над собратьями, отхватить положенную каждому растению частичку солнечного света. У тех из них, которые росли возле дорожки, ухватившись за глинистый склон, частые дожди вымыли грунт из-под корней. Из-за этого казалось, будто они так стремятся стать выше, что поднялись на цыпочки в погоне за дарующим жизнь светом, за свежим воздухом.

От безудержного стремления каждого растения вырасти и расправить листья, внизу царила волшебная полумгла. Пространство свободное от деревьев наполнялось волшебным сумраком и особым колоритом. Редкие лучики, которым удавалось-таки проскользнуть сквозь плотную завесу густой листвы, создавали атмосферу праздника. Влетали они в одну из многочисленных капелек все еще не высохшей росы. Преломлялся лучик внутри водяной линзы, распадался на тысячи цветных отблесков и радугой дополнял природное очарование полуденной полутьмы волшебного леса.

Помимо того, что листва не пропускала лучи, она же не выпускала и влагу. Каждая частичка жидкости, каждая капелька росы или дождя, которой удалось просочиться сквозь лиственный покров, была надежно заперта под его сенью, наполняла она влажностью воздух, добавляла особого, тропического, колорита удивительной атмосфере.

– Слушайте, я все понял, это джунгли! Просто-таки тропический лес, только наш, отечественный. Потом, по свободе, надо будет детальнее изучить здешний микроклимат. Уверен,

занимательное предстоит дело, – продолжал восхищаться Саша. – А вот это, гляньте-ка, очень интересная форма...

Предательски скользкая от избытка влаги глина схватила его за ногу и потащила вниз. Саша энергично взмахнул обеими руками, будто попытался взлететь, восхищение в его глазах моментально уступило место страху, в горле застрял несформированный крик. Взлететь ему не удалось, как и закричать, зато он и не упал, устоял, балансируя вытянутыми руками. Плавнo съехал по склону, просто заправский лыжник...

Повезло ему, недолгим выдался спуск. У него на пути оказалось дерево, он налетел на него, обнял толстый ствол, громко выдохнул, выпуская остатки несформировавшегося крика, повернулся к друзьям.

– Как здорово, что растительность густая, и устойчивая! Кстати, мы уже внизу...

Тропинка свершала свой последний вираж, сворачивала правее, подбегала к ручейку и уже вместе с ним весело бежала куда-то в необозримую даль, скрывалась среди высоких деревьев и густых колючих кустов.

– Неподражаемо! – не унимался Саша. Благодаря кристально чистым водам ручья он уже успел смыть пятна глины с брюк, вернул себе более или менее ухоженный вид. – Немыслимо и просто-таки невероятно!

– Лес, как лес. Но вот скажите мне, кому это понадобилось протаптывать тропинку в эти, как ты сказал, джунгли? – равнодушно пожал плечами Игорь. – Нет, это конечно удобно для нас, как для исследователей, все-таки проще по тропинке спускаться, нежели кубарем по склону катиться! Но вопрос остается, кто сюда спускается, а главное, зачем! Что можно искать в этих дебрях? Тут же так все заросло, что я не удивлюсь, если в здешней глуши настоящие медведи водятся. Не зря все вокруг... медвежье...

Отвечать на поток риторических вопросов никто не собирался. Анатолий Константинович задумчиво вертел головой, шурился, будто пытался что-то разглядеть, а то и просто вспомнить. Он повернулся назад, проследил за дорожкой, поднимающейся по склону, чуть заметно пожал плечами. Посмотрел в противоположную сторону, туда, где среди деревьев исчезал ручей. Кивнул своим мыслям. Ступил несколько шагов вперед, внимательно до отрешенности всмотрелся в прозрачные воды. Задумался. Его что-то беспокоило. Он сам толком не понимал что именно, а от того погружался в себя все глубже.

Неугомонный биолог не обращал внимания на своих коллег, он отломил две длинные ветки роскошной ивы разросшейся на берегу. Резким движением очистил их от листьев. Взял одну ветку в правую, другую в левую руку. Прикусил язык, будто мальчишка, задумавший очередную шалость, ступил шаг вперед. Ветки разом дрогнули и пришли в движение. В одно мгновение они будто два магнита качнулись навстречу, прилипли друг к другу практически по всей длине. Биолог отступил на шаг, вернулся на тропинку, веточки потеряли друг к другу всяческий интерес и безвольно обвисли.

– Какое увлекательное занятие! – до предела счастливый Саша медленно двинулся по дорожке. Отошел на пару десятков метров, прутьи не шевелились. – А если я сверну, к примеру, вон туда?

Впереди заросли были не столь густыми, между ровными рядами огромных деревьев был просвет, пространство разделенное стволами почему-то не облюбовал кустарник. Впереди, сколько можно было видеть сквозь дневную полутьму, была только трава, узкий прямой коридор, который упирался в симпатичную полянку (если только это не плод воображения).

Стоило биологу сойти с тропы, веточки снова ожили. На этот раз они не сходились, а медленно покачивались, будто два маятника, синхронно, в одну сторону, в другую, обратно.

Саша пошел быстрее. Ему в след шептались деревья пугающим зловещим шепотом, скрипели сучья приглушенным издевательским хохотом, тянулись к нему тонкие прутьи, пытались коснуться, а то и просто ударить незваного гостя. Ничего этого биолог не видел и не

слышал, все его восприятие мира ограничилось веточками в руках и их размеренными покачиваниями.

Живой коридор действительно вывел его на полянку. То был симпатичный почти идеально круглый клочок земли, поросшей густой, невысокой, будто стриг кто, травой. На условной границе обозначающей ее начало, индикаторы всего таинственного и неизведанного, ивовые прутьи, одновременно разошлись в противоположные стороны. Замерли, чуть заметно подрагивая, отображая сокращения сердечной мышцы, держащего их человека. Точно как и Сашино сердце, их вздрагивания становились чаще, амплитуда выше. Да и сам он чувствовал – что-то меняется, вот только не мог понять, что именно и как к этим изменениям относиться.

Один шаг, нога пересекла некую невидимую черту и тут веточки взбунтовались. Обе и одновременно. Они, будто винты вертолета, завертелись, с каждой секундой увеличивая и увеличивая скорость, казалось, еще немного и они, а вслед за ними и сам биолог взлетят...

Пальцы сами собой разжались, импровизированные пропеллеры выпорхнули из ослабевших рук и улетели в ближайшие кусты.

– Никак не ожидал подобной активности! – Саша удивленно посмотрел на свои покрасневшие ладони. – Надо же, чуть было руки не обжег. Любопытно, что за сила заставляет их так вертеться? Эх, Игорек, сюда бы тебя, да с приборами, разобрался бы, что здесь творится! Ребята, а вы где?

В последней фразе отчетливый слышался страх.

– Достаточно на сегодня! Закругляемся! – таинственный в волшебной тишине леса прозвучал голос начальника экспедиции, в полутьме мелькнула его яркая рубашка. Биолог облегченно выдохнул и поспешил обратно. – Мы планировали разведку, считаю, она удалась. Осмотрелись немного, так что в будущем сможем на местности сориентироваться. Пока ничего не предпринимаем, ждем завтрашнего утра, получаем новый магнитометр, вот тогда, вооружившись...

– Так быстро, вот это здорово! – искренне обрадовался Игорь.

– Чему тут удивляться? В наше время были бы деньги, а привезти могут что угодно и куда угодно, в любую точку планеты. Так что будь готов. И еще, нам просто-таки необходима машина. Наташина точно не годится. Раздобыть бы где-нибудь УАЗик на время, да чтоб за небольшие деньги. Ну, или что-нибудь подобное. Надо будет у Натальи спросить. Ладно, на сегодня все, возвращаемся!

30 июня 2013 года

Саша

– Никакого там шарлатанства, тем более магии, в действиях моих нет, и не ищите. «Опыт лозоходцев» так называют эту методику, известную не одну сотню лет. Давно когда-то в незапамятные времена таким нехитрым способом выбирали место для колодца. Суть метода предельно проста: человек с его биополем выполняет функцию прибора, точнее датчика, а прутьи – стрелки. Неважно, какие ветки, из какого дерева, может быть ива, может вишня, не знаю, что там еще использовали, да и не в этом суть, лишь бы были. Человек плюс прутьи вот собственно и все, что нужно. Принцип? Биополе человека реагирует на мельчайшие изменения свойств окружающей его природы – прутьи-стрелки это наглядно отображают. Дальше опытный человек по тому, как отклоняются прутья, делает выводы. Только и всего! Конечно, далеко не каждый «биологический датчик» способен правильно реагировать на сигналы природы, тем более, не каждый может правильно их интерпретировать. Для этого опыт нужен, сноровка особая, умение.

В наше время, как в моем случае, погрешность не суть важна. Ну, прошелся я с прутьями, поиграл ними и забыл, а раньше! Представьте только – приехал такой вот «специалист»,

обошел все окрестности, сказал: «Копайте здесь!». Ребята за лопаты хватаются, день копают, два копают, неделю, вторую, а воды-то нет! Так и побить могут!

Меня же прошу не бить! У меня это первый опыт, я, можно сказать, только учусь, но опыт, по-моему, удачный. Очень уж весело все крутилось, очень уж весело вертелось! Правда, должен честно признаться, что именно я обнаружил, ни мне, ни кому-либо другому неизвестно. Но даже это нечто, куда лучше, нежели вообще ничего!

Да! Это что же такое получается? Я поработал в качестве прибора?! Можно сказать, заменил безвременно почивший магнитометр. Точно! Так что думайте что хотите, говорите, что хотите, но я авторитетно заявляю – биолог это специалист универсальный! В растениях разных разбирается, значит, потерялся в лесу, он найдет, что съесть (или кого съесть) так чтоб не отравиться, да и его самого, чтоб не съели. Польза на лицо. Кроме того, случись воду надо найти под землей, или аномалию какую-либо выявить, тут биолог в роли прибора также незаменим. Отсюда вывод – господа абитуриенты, милости просим на факультеты биологии, спрашивайте в институтах вашего города! – донельзя довольный своей выдумкой, Саша широко улыбнулся. – Нет, насчет воды я ничего доподлинно не скажу, но аномалия на той полянке – на лицо! Непонятно какая, но очень уж... аномальная. А тут, как это ни прискорбно, мои прутики бессильны. Тут нужен толковый специалист до зубов вооруженный новейшими достижениями электроники. И это очень здорово, что у нас подобный специалист имеется! К слову, господа абитуриенты, если вас не прельщает биология, прошу на физические факультеты. Физики они тоже специалисты знатные, не такие, конечно, как биологи, но...

Болтливый я становлюсь, под хорошее настроение. Но ведь это не вредно, правда? Конечно правда, по-другому и быть не может!

Что по дню сегодняшнему? Да все отлично! Осмотрелись, огляделись. Много нового увидели, много любопытного, много, можно сказать, волшебного. Как иначе, если я еще из оврага не выбрался, а уже захотел обратно спуститься! Получается, все хорошо и все мне нравится.

Подытожу сказанное. День третий, оказавшийся вторым, принес новые знания, добавил новых загадок и дал опыт, как минимум мне. К опыту прибавим уверенность в завтрашнем дне. А что, попрут чего доброго из науки – пойду колодцы рыть. Точнее не рыть, пойду выбирать наиболее благоприятные места для того чтобы другие рыли, а там, побьют, не побьют, это как пойдет...

Глава 4

Изо всех сил стараясь подавить пробивающуюся зевоту, Виктор энергично замотал головой. Похоже, сработало. Кивнул. Тяжело вздохнул. Мрачно посмотрел в окно, долго всматривался в грязное стекло, внимательно, практически не мигая. Он видел отблески яркого летнего солнца, резвящиеся на верхушках ближайших деревьев, следил за колышущимися на ветру листьями, наблюдал за неугомонными солнечными зайчиками, играющими в прятки среди густой листвы. Смотрел на роскошные поля свежей зеленой травы, что раскинулись там, за городом. Смотрел на синее пятно вдалеке – зеркальную гладь пруда, зовущую, манящую, чарующую. Смотрел и с каждой секундой мрачнел сильнее. Еще бы, ведь он прекрасно понимал, что там за окном лето, пора отдыха, время отпусков. Там, за стенами, свежий воздух, приятный ветерок, яркое солнышко. На окраине городка и вовсе красота: река, пруд, поля, леса, природа! Живая настоящая природа. Среди всего этого великолепия гуляют его товарищи, дышат воздухом, наслаждаются пейзажем. А он! Что он? Правильно, сидит в душной квартире! Сидит, смотрит в давно надоевший монитор, читает скучные новости давно минувших дней, наполовину выдуманные истории, листает чужие письма.

В тот момент, когда он уже почти собрался встать, пройти по длинному широкому коридору, заглянуть на кухню и приготовить себе очередную чашку кофе все внезапно изменилось.

Скрипнула входная дверь. Грозящее исчезнуть и более не возвращаться настроение тут-таки передумало. Чуть посомневалось оно и решило остаться. Причина понятна – важнейшее из обстоятельств, что давило и угнетало, одиночество, уходило...

Шаги. Люди. Люди шли по коридору, они приближались. Среди безликих мужских шагов удивительно приятно звучал цокот каблучков. Чем не повод задержаться хорошему настроению! Действительно повод, ведь все ясно и понятно – каблучки это она!

Первой вошла Наталья. Приветливо улыбнулась, чуточку игриво кивнула, не иначе как прозрачный намек на последнюю встречу. Недавнюю встречу, но это ладно...

Следом вошли остальные. Измазанные, исцарапанные, но очень уж довольные. До того довольные, что последняя затаившаяся частичка меланхолии, что продолжала сопротивляться отличному настроению, прикинувшись завистью напомнила о себе:

– Хорошо вам! Вы свежим воздухом дышали, пейзажами любовались, на солнышке нежились! Сашка так тот даже искупаться успел, похоже на то, – Виктор кивнул на пятно мокрой глины, украшающее брюки биолога. – А меня одного бедного несчастного бросили. Заперти. В четырех стенах, где ни тебе солнышка, ни чистого воздуха...

– Бросай ворчать! Ты ведь не просто так сидел, ты был на связи. Это тоже кому-то делать надо. Считаем, была твоя вахта, – отмахнулся от студента начальник экспедиции. – Кроме всего прочего, надеюсь, ты не забыл об одном весьма серьезном поручении? Вижу, не забыл, тогда давай, выкладывай, что накопал!

Виктор лукаво ухмыльнулся. Прищурился, отчего его лицо превратилось в маску торговца, который пытается выдать копеечную вещь за истинную ценность. Степенно кивнул, медленно заговорил:

– Да, вы правы! Конечно же, ничего я не забыл. Все сделал, трудно было, но я справился. Прошу заметить, мною было перелопачено просто-таки невероятное количество информации! Одной только местной прессы... – он широко развел руки, демонстративно посмотрел на кончики пальцев каждой из них, кивнул, – крупнейшее множество! Но и это еще не все, не смог я ограничиться лишь районной газетенкой, совесть не позволила. Я просмотрел всю периодику, что доступна в сети. Каждую из множества областных газет, а таковых, заметьте, целых восемь штук! Каждый выпуск, датированный началом июля, пролистал. Это само по себе сложно, но

я и на этом не остановился. Слушайте дальше, значит, мониторинг всех без исключения социальных сетей, добрался до сводок происшествий, пересмотрел информационные сайты. Начитался новостей, баек, сплетен, просто сказок. Словом, вы даже представить себе не можете какой это объем работы. Оценить проделанное...

– Оценим, обязательно оценим, конечно, если ты в своих стенаньях доберешься-таки до сути, – Анатолий Константинович последовал примеру других членов экспедиции и опустился в свободное кресло. – Не стану спорить, набивать себе цену занятие полезное, но давай ты просто расскажешь, что происходило в городке в интересующий нас временной период, только и всего. После, если захочешь, можешь и поплакаться, только недолго.

– Конечно! И после всего я еще и плачусь! Вот она человеческая благодарность! – притворно вздохнул Виктор. – Ладно-ладно, я уже почти молчу, вернее, рассказываю, – он звонко ударил указательным пальцем по клавише «пробел», кивнул. – Так вот, невзирая на то, что облюбованный вами, Константинович, городок довольно маленький, ничем особо не выдающийся и, я бы так сказал, невзрачный. Наталья Владимировна прошу прощения, это всего лишь субъективное мнение туриста, волею судьбы заброшенного...

– Не отвлекайся, – лучезарно улыбнулась Наталья.

– Что же вы все меня торопите? Неужели так хочется узнать, что я накопал? Хочется? Тогда ладно, рассказываю, – Виктор демонстративно покашлял. – Я остановился на том, что, несмотря на скромные размеры, городок довольно-таки богат на происшествия криминального толку. Безусловно, большая часть таковых нас не интересует. Но были и весьма любопытные события. К примеру, ровно год тому назад, в первых числах (я отыскал четыре упоминания о данном происшествии, в каждом указывалась своя дата, от пятого до девятого) июля, из интересующего нас, то ли леса, то ли оврага вышел человек. Казалось, что тут такого? Подобную заметку можно написать о ком угодно. Да вот о вас, вы ведь тоже там были, и тоже вышли, но нет, все не так просто! Тот человек выглядел, мягко говоря, измученным. С мертвенно-бледным лицом, в изодранной одежде, все тело покрыто ссадинами и гематомами. Ага, изрядно измазанный, весь в земле и глине, не иначе как карабкался по склону. Пишут, таким его местный пастух обнаружил. Наверняка страху натерпелся. Еще бы, только представьте, выбирается такой вот субъект, что называется, из-под земли, не дай бог привидится!

– Да было такое, я помню, – кивнула Наталья. – Седьмого это случилось, утром. Мне Аленка подруга моя рассказывала. Она заведует одним частным заведением, это нечто среднее между психиатрической лечебницей и профилакторием, неподалеку тут, за городом. Его к ним привезли. Ничего не помнит, ничего не говорит, словом, человек не в себе. Точно не знаю, скорее всего, он до сих пор там...

– А можно как-нибудь поподробнее? Какие-нибудь детали? – оживился Анатолий Константинович.

– Увы! Ничего не припоминаю, все-таки целый год прошел, забыла все, что только знала. К тому же я и тогда особо не интересовалась.

– Понятно. Как вы думаете, а его можно увидеть?

– Не знаю. Нет, если он по-прежнему в лечебнице, думаю, можно. Я узнаю...

– Хорошо, с этим разберемся, – начальник экспедиции повернулся к Виктору. – Давай, что у тебя еще, криминального...

– Продолжаем экскурс в историю. Попалась мне на глаза небольшая заметка, датирована две тысячи десятым. Пишут, будто бы одновременно четыре человека в овраге пропали! Причем, именно так, пропали. Подозрительная какая-то статейка. Прежде всего, она такая одна. Нет других упоминаний, хоть косвенно подтверждающих достоверность того, о чем в ней говорится. Плюс само содержание материала. Да сами посудите. Четверо участников некоего клуба «фольклористов», только для чего-то вооружившихся лопатами и кирками, с палатками, спальниками, прочим туристским снаряжением спустились в овраг, с какой-то там, чуть ли не

исследовательской целью. В результате все как один сгинули, ни следов, ни людей, ни инструмента, ни оборудования. Пропало все, будто ничего и не было. Кстати, по датам сходится, произошло это в первую неделю июля, – Виктор пожал плечами и вопросительно посмотрел на Наталью. – Не знаю как кому, но лично мне кажется, что это вымысел чистой воды...

– Ничего не могу сказать, честно. И дело не в том, что я не помню, я даже об этом и не слышала.

– Ну и ладно. Что у меня еще имеется? – Виктор скосил взгляд на монитор. – Год две тысячи шестой. Также середина лета, только уже не в овраге, а на берегу реки, обнаружился утопленник. Как пишут, на лице застывшая гримаса ужаса, одежда изодрана, тело в ссадинах, гематомах. «Лицо, будто он столкнулся со своей собственной смертью. На теле нет живого места. Что он делал, где был, чем занимался? Сплавался по горной реке? Плыл в шторм на мелководе среди кораллов, сдирая кожу об их острия? Никто того не ведает». Это не мои слова, статью любитель активного отдыха писал, не иначе как журналист только из отпуска вернулся. Как бы там ни было, утопленника так и не опознали, а по данным экспертизы умер он приблизительно числа шестого-седьмого так волнующего нас месяца июля. Дальше, в две тысячи первом еще одна странность, несчастный случай, человек шею свернул, свалившись в овраг (осторожнее надо быть!), сам оказался неместным, приехал накануне из соседней области. В коллекцию любопытных фактов – на лице ужас, а возле тела лопата, малая саперная... – Виктор не столько тяжело, сколько фальшиво, вздохнул. – Еще одно убийство годом ранее, что называется, на бытовой почве. Связи ни с лесом, ни с оврагом не наблюдается. По данным следствия, пьяный муж жену топором зарубил, сам же в приступе раскаяния повесился. С виду все банально и уныло, но соседи утверждали, что у него с супругой никаких размолвок никогда не было, да и не пил он вовсе. Иная страсть у него была, клады, говорят, искал. В общем, я ничего не утверждаю, но на лицах обоих опять-таки ужас ужасный...

– У тебя еще много? – грустно улыбнулась Наталья. – Еще парочку таких историй и я буду бояться возвращаться домой!

– Не волнуйся, я провожу! – с готовностью отозвался Виктор. – В любое время, одно только твое слово! Да и вообще, я уже заканчиваю. Единственное, что еще удалось отыскать – безмерно далекий семьдесят шестой, снова неизвестный, снова в овраг свалился, перелом основания черепа, пьяный был... пишут... с лопатой шел, куда-то...

30 июня 2013 года

Анатолий Константинович

– Думаю, немного найдется людей, которые не читали бессмертное произведение Николая Васильевича Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала». Во всяком случае, очень хочется в это верить! Спросите, причем тут Гоголь? Отвечу. Если кратко, то дело в том, что я более чем уверен – события, описываемые в одном из любимейших мною произведений литературы никакой не вымысел. Они происходили на самом деле, более того, происходили в непосредственной близости от того места, где я сейчас нахожусь, точнее в Медвежьем овраге! Да, именно там, где я лично был лишь несколько часов тому назад!

Безусловно, я представляю, какую волну скептицизма особенно среди коллег-историков вызовут мои слова. Как иначе! Мы ведь привыкли отбрасывать те факты, которые не вписываются в общепризнанную теорию, привыкли не обращать внимания на свидетельства очевидцев, которые бросают тень на кажущиеся безоговорочной истиной зачастую ложные постулаты. Да, так и есть, так работает современная наука...

Вынужден сознаться, на данный момент я обладаю лишь несколькими исключительно косвенными доказательствами. Название оврага это раз, не зря же он называется Медвежьим! Далее, доподлинно известно, что в селе, располагавшемся на месте нынешнего городка, существовала Никольская церковь, это два, ведь упомянутая мною повесть была рассказана от

имени дьячка Н...ской церкви. Плюс местность, плюс атмосфера. Очень подходящая атмосфера. Даже сегодня, пусть мы лишь чуточку углубились в лесок, спрятавшийся в овраге, но я не мог не ощутить, какой-то по-настоящему мистической наэлектризованности.

Конечно, я сразу соглашусь, это даже не косвенные доказательства, пожалуй, это и не доказательства вовсе. Более всего это напоминает игру фантазии не очень здорового человека. Тем не менее, я верю в то, что говорю и я уверен – к финалу нашей экспедиции доказательства непременно появятся, настоящие доказательства.

Ладно. Аргументов у меня нет, пока нет. Все так, но есть одно обстоятельство. Я ведь уже пытался это озвучить – я сам видел цветок папоротника. Именно так, видел, и видел я его не где-то, неведомо где, а именно там, в Медвежьем овраге. Такое вот оно... обстоятельство.

Мои слова прозвучат странно, но лишь сегодня утром, спустившись в царство деревьев и вдохнув его удивительный воздух, я окончательно убедился в том, что это оно, то самое место. Именно тот волшебный лесок из моих детских воспоминаний. Тот, где предо мною мелькнуло видение волшебного артефакта.

Сомнения? Странности? Да, я сомневаюсь и да это странно, но моя память растеряла все детали, все существенные детали, сохранила лишь событие, ярко, красочно. Что особенно озадачивает, так это тот факт, что я в ту пору был уже более или менее взрослым, было мне целых двенадцать лет, скоро должно было исполниться тринадцать, не тот это возраст, в котором память не спешит сохранять события, хотя, учитывая экстраординарность ситуации...

Опять-таки, я этого не помню, но, похоже, где-то в этом самом городке давно когда-то жила моя тетка (мне удалось отыскать старую открытку). И, кажется, однажды я у нее гостил. Скорее всего, гостил, потому что иного объяснения своему присутствию в этом месте я не имею. Зато я точно помню, что был в ту пору не один. Сдружился я тогда с одним местным паренком, это точно помню, тезка мой, тоже Толик.

То ли воспоминание, то ли выдумка, но лишь слегка в тумане вижу высокий, сложенный из толстых бревен купальский костер. Помню девчонок, пускающих венки по воде. Помню, они купались, помню, нас заметили, помню, досталось нам...

Дальше, чуточку четче, воспоминания несколько ярче, тумана в них меньше. Каким-то дивом оказались мы в лесу. Оврага, увы, я не помню, помню только лес. Зато не забылась атмосфера, насыщенная влагой и предвкушения, слегка напряженная она, чуточку наэлектризованная, точно как та, что я ощутил сегодня утром. Не могу сказать, как мы тогда там оказались, не могу сказать с какой целью, скорее всего, готовили очередную проказу, дети, одним словом...

Точно помню, заблудились мы, что и не мудрено – ночь давно вступила в свои права. Долго мы бродили среди деревьев, долго пробирались сквозь кусты, пока не вышли на полянку, освещенную блеском висящей над землей искорки. На первый взгляд на полянке не было никого, но что-то нашептывало нам, мол, не так все, мол, стойте, где стоите, целей будете. Не одному мне так казалось. Помню, Толик одернул меня, я обернулся и в неверном свете покачивающейся искорки увидел выражение настоящего ужаса на его лице.

Тем временем искорка разгоралась, пульсировала она и вдруг сопровождаемая легким хлопком превратилась в удивительный алый с золотом переливающийся и пульсирующий цветок. Он покачивался над землей, подмигивал разными цветами, разбрасывал вокруг себя яркие блики.

Мне страшно захотелось подойти, сорвать его, забрать, оставить себе, вот только ноги совершенно не желали меня слушаться. Стояли они, будто вкопанные и не двигались с места.

Не могу сказать, сколько все это продолжалось. Подмигивал цветок, я на него смотрел, мы на него смотрели. Не знаю, секунды, минуты, вечность миновала, как бы там ни было, все закончилось. Волшебный огонек чуточку померк, скукожился, сжался и сопровождаемый тихим хлопком растворился в темноте.

Тут-таки по поляне разнесся ропот. Не угрожающий или недовольный, нет, скорее, то был отзвук облегчения. Будто бы множество существ одновременно вздохнули, осознав, что все позади.

Лишь цветок погас, своим собственным призрачно-холодным светом зажглись деревья. Они осветили полянку, толпу странных существ отвратительной наружности, заполонивших ее. Разные существа, некоторые ужасные и вызывающие отвращение, большей же частью просто непонятные, а то и вовсе смешные. В свете деревьев они увидели нас. Все как один повернулись к нам, протянули свои столь же разнообразные, как и они сами, руки, двинулись в нашу сторону. Медленно приближались они, а мы не могли сдвинуться с места, но вот когда ближайшее чудище с клешнями вместо пальцев коснулось меня, все изменилось. Они дрогнули и отступили.

Мне удалось повернуть голову. Я, то ли увидел, то ли представил, как к нам приближается человек в длинном сюртуке с элегантной тросточкой в руке. Лица не разглядеть, слишком слабым было освещение, но я более чем уверен – оно было мне знакомо. Тогда был уверен, да и сейчас, спустя много лет...

Увы, но это все. Что было дальше, сколько я ни старался вспомнить не удавалось. Позже, много лет спустя, я понял, осознал то, что видел. Понял я, что предо мной распустился самый настоящий цветок, самого настоящего волшебного папоротника. Понял я, что это был шанс, понял, что я его упустил...

С годами воспоминания померкли, только изредка большей частью во сне нет-нет, да и привидится яркий пульсирующий бутон, висящий в воздухе прямо над моей протянутой рукой. Переливается он, меняет цвет, в голове же моей звучит колокольчиками голосок, зовет он, нашептывает: «Поймай меня, сорви меня!»

Я поддаюсь, я пытаюсь, но каждый раз лишь только я сжимаю пальцы, стараюсь схватить, удержать, не дать добыче ускользнуть, цветок ярко вспыхивает. Его огонь не опалает, нет. Он словно теплое дыхание ласкает кожу, на мгновение окрашивает ее в свой ало-золотистый цвет и тут же меркнет. Исчезают волшебные лепестки, лишь на ладонях остается горстка пыли, которая, словно вода, стекает меж пальцев. Но я все понимаю, я знаю, это не пыль вовсе, это пепел, пепел сгоревшей мечты, погасшие искры истлевшей надежды!

– Как видишь твое дневное бдение не столь бесполезно, как ты себе его представлял!

– Мое что? – Витя сонно посмотрел на начальника экспедиции, поморщился.

– Изучение документов и анализ происшествий...

– А!

– Это тебе не «а»! Молодец! Кое-что ты раскопал, а это зацепка. Возможно, она ни к чему не приведет, а возможно, наоборот. Шанс? Шанс! Вдруг тот неизвестный что-то видел, что-то может нам рассказать! Надо, да надо с ним поговорить. Чего молчишь? О чем задумался?

Виктор с трудом отвел глаза от тлеющей в руке Анатолия Константиновича сигареты, демонстративно сглотнул слюну.

– Молодец, держись! – шутливо похвалил его начальник экспедиции.

– Да, держусь. Между прочим, завтра будет ровно два месяца, как не курю, вот так вот! И это несмотря на то, что вы постоянно искушаете!

– Ничего, это полезно. Сила воли вырабатывается. Кстати, а почему ты до сих пор не спишь?

– Готовлюсь, морально, так сказать. Надо же ваше распоряжение выполнять. Как вы сказали? Каждый день, хоть несколько слов в дневник. Вот сейчас соберусь с духом...

– Ладно, так и быть освобождаю тебя от столь тяжелой повинности на сегодняшний день, заслужил. Но чтоб завтра!

– Нет, не согласен. Если надо каждый день, значит надо каждый день. Иначе это как... бросать курить с перекурами!

– Дело твое! – Анатолий Константинович погасил сигарету. – Я же на боковую...

30 июля 2013 года

Виктор

– За окном темным темно, дяди спят и тети, только я один не сплю, так как на работе...

Итак, день прошедший. Вынужден признаться, хороший был день, несмотря ни на что. Пусть меня одного оставили, пусть работать заставили...

Нет, серьезно, сколько себя помню, никогда не любил сидячий труд! Да мне всегда проще было лопатой размахивать и камни ворочать, нежели за столом усидеть. А вот сегодня я просто-таки дал! Сам себе удивляюсь. Правда, я ведь всю сознательную жизнь от компьютера старался держаться подальше (ну да, за исключением того года, когда мне показалось, что я программист).

Но не об этом я! Как-то все сегодня стало не таким, как я его себе представлял. Оказывается и сидячая работа может быть полезной, более того, интересной!

Начинаю подозревать, что все это происки Константиныча, не иначе как перевоспитывает. Что тут скажешь, получается у него! Вот я уже и с компьютером дружить начинаю. А оттого вновь возникает вопрос, а может я и не историк вовсе? Может все-таки компьютерщик? Может я не тогда ошибался, может, неправ сейчас?

Вот везет же людям! Бывало, еще не родился человек, а уже точно знает, кто он, и что для него предназначено. Бетховен, к примеру, сразу понял, что он композитор, более того, он уже в шесть лет музыку писать начал. А я?!

Все ровесники, одноклассники, как нормальные люди давно нашли свое место в жизни, семьями обзавелись, взрослые, солидные, животы отрастили. Хотя последнее это лишнее. Живот мне ни к чему, а вот остальное...

Сяду, бывает, задумаюсь – тридцать шесть! Уже! Ау! Люди, кто я? Кто подскажет?! А в ответ тишина, – Виктор открыл рот, собираясь продолжить монолог, но в это время из коридора донеслось сонное: «Потому-то и тишина, что все нормальные люди спят давно!». Он вздохнул, печально пожал плечами. – Вот так всегда, может, другу помощь нужна, а они спят. Коллеги, одним словом! Ладно, спите, и я пойду.

Еще одним днем меньше. Все, отбой!

Глава 5

– Вот это вещь! Наталья Владимировна, сознавайся, где такое чудо техники раздобыла? – Виктор обошел вокруг машины, остановился у приоткрытой водительской двери, слегка наклонил голову, подал девушке руку, изо всех сил стараясь выглядеть воспитанным и заботливым.

Игнорирую джентльменский жест, Наташа спрыгнула на землю, захлопнула дверцу и лишь теперь, но уже в знак приветствия, протянула ладонь лодочкой Виктору. Тот прикоснулся к ней пальцами, вздрогнул, отчетливо почувствовав легкое покалывание, будто слабый разряд электричества пробежал по всему телу...

– Из музея. Раньше он в музее числился...

– В качестве экспоната, это здорово! Еще бы... раритет!

– А давайте без ваших шуточек Виктор... Палыч! Перед вами УАЗ, микроавтобус, можно сказать, повышенной проходимости. Да, не первой свежести он, но, насколько я понимаю, для целей нашей экспедиции, это просто-таки идеальный транспорт.

Из подъезда вышел Анатолий Константинович, остановился на пороге, с любопытством, граничащим с восторгом, осмотрел машину. Неизбалованный комфортом современных автомобилей, он не имел никаких предубеждений касаясь отечественного внедорожника. Частенько, что в былые времена, что ближе к современности, ему случалось выступать в роли пассажира, а иногда и водителя УАЗика, незаменимого помощника в экспедициях. Да, глупо отрицать, не сравнится он по уровню комфорта с каким-нибудь своим «одноклассником», импортного производства. В свою же очередь, ни один из них не превзойдет его в неприхотливости и простоте обслуживания. А в экспедиции (особенно в удаленные от цивилизации уголки мира) это гораздо важнее какого-то там условного комфорта...

Автомобиль, из кабины которого минуту назад вышла Наталья, выглядел точно как те, которыми приходилось пользоваться в частых поездках. Ничем не примечательный он, со стандартной внешностью, несущей на себе отпечаток многолетний эксплуатации. Да, изрядно несуразный экстерьер. Мало того, что создатели не особо задумывались над внешней эстетикой своего творения, так еще и несколько поколений ремонтников изрядно потрудились, уродуя, и без того неказистую внешность. Изрядно мятый корпус был выкрашен в непередаваемый желто-зелено-коричневый цвет. Трудно предположить, какой именно оттенок желал увидеть неведомый маляр, но то, что у него получилось, выглядело попросту нелепо. Мало того, что выбранные ним цвета не особо гармонировали между собой, так они еще и смешаны были весьма небрежно. На некоторых участках кузова все три основные составляющие краски проглядывали по отдельности, радуя, скорее, веселя тех, кому доводилось смотреть на машину.

Можно было вдоволь насмеяться, но оказалось, это далеко не все, несмотря на весьма непрезентабельный внешний вид, машина была щедрой на сюрпризы. Прежде всего, нельзя было не обратить внимания на колеса. Серьезные колеса. Совершенно не гармонирующие с цветным мятым кузовом, чернели выпирающие из арок широкие с мощным протектором блестящие свежей резиной покрышки. Их матовый блеск удивительно контрастировал с нелепой расцветкой, оттягивал взгляды от цветного кузова, заставлял задуматься над вопросом, а может с машиной все не так и уныло, как кажется на первый взгляд?

Давая возможность всем составить первое впечатление об автомобиле, Наташа загадочно молчала. Она остановилась у дверцы, повернула к себе большое зеркало и принялась кокетливо поправлять непослушные локоны.

– Да, серьезная техника, – восхищенно развел руки Анатолий Константинович. – Ничего не скажешь!

– А вот и ошибаетесь, еще много чего можно сказать, – улыбнулась девушка. – Для начала загляните сюда...

Она распахнула водительскую дверь. Вопреки ожиданиям, та открылась легко, без скрипа и скрежета, но не в этом дело. Самое интересное было внутри. Там, вместо вполне ожидаемых старых с истертой до дыр обивкой сидений красовались два новеньких кожаных кресла. Приборная панель меньше всего походила на ту, которую когда-то давно установили на заводе. Не было на ней безобразных круглых указателей, не было стрелочек, исключительно электроника, а большую часть панели и вовсе занимал матово-черный экран, то ли бортовой компьютер, то ли навигатор. Вообще создавалось впечатление, что глядя внутрь обычного УАЗика, неведомо каким образом удавалось заглянуть внутрь дорогого внедорожника. Даже руль, родной, стандартный, но обтянутый кожей, казался частью совершенно другого автомобиля. Плюс к нему мягкие коврики, несколько подставок, под все, что только можно поставить. Красиво все продумано, вот только жгуты проводов, свисающие с потолка, подтверждали – кузов все-таки принадлежит творению отечественного автопрома...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.